

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(13)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2007

ISSN 1681-1062

Научный журнал

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), А. А. Гиттиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленш (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

121019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (095) 201-79-92, факс: (095) 291-23-17, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc@comtv.ru, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *Н. Н. Розанова*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Е. Россохватская, О. Курочкина*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 10.07.2007. Формат 70 × 100^{1/16}.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 20,5. Заказ № 7869.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»

«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2007
© Авторы, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Исследования

<i>В. М. Живов.</i> Язык и стиль А. П. Сумарокова.....	7
<i>Ф. Минлос.</i> Повтор предлогов в Новгородской первой летописи	52
<i>А. А. Пичхадзе.</i> О функционировании греческих книжных заимствований в древнерусском языке	73
<i>А. В. Сахарова.</i> К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи	85
<i>А. Родионова.</i> Форма <i>въшьеть</i> в Рогожском летописце: образование, значение, употребление	114
<i>С. М. Шамин.</i> Слово «куранты» в русском языке XVII — начала XVIII в.	119
<i>М. Бобрин.</i> Полу-Ё. Из наблюдений над забытым памятником русского языка первой трети XIX века	153
<i>Т. В. Попова.</i> «Восточнославянские изоглоссы»: Некоторые итоги работы над темой	189
<i>С. В. Князев, Е. В. Шаульский.</i> Генезис диссимильтивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений)	210
<i>О. В. Антонова.</i> О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи	225
<i>Т. Б. Радбиль.</i> Аномалии в сфере языковой концептуализации мира	239

Полемика

<i>М. Н. Шевелева.</i> Еще раз о написаниях типа ТРОТ (на месте рефлексов праславянских сочетаний гласных с плавными) в рукописях XIII—XVI вв.	266

Информационно-хроникальные материалы

II Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Е. В. Колесникова, Д. М. Савинов).....	283
Хроника научной конференции «Семантика языковых единиц разных уровней» (А. Н. Еремин).....	289
Хроника научной конференции «Скрытые смыслы в языке и коммуникации» (Е. Н. Чиркова).....	291
Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2006 года (О. Г. Ровнова).....	297

Рецензии

М. А. Грачев. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2006. 672 с. (Школьные словари) (В. В. Шаповал).....	306
В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с. (Л. П. Крысин).....	314

Обзоры

А. К. Матвеев. Ономотология. М.: Наука, 2006. 292 с.	317
Типографский устав: Устав с Кондакарем конца XI — начала XII века / Под ред. Б. А. Успенского. Т. 1—3. М.: Языки славянских культур, 2006.....	318
Helmut Keipert. Das «Sprache»-Kapitel in August Ludwig Schlözers «Nestor» und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang: Josef Dobrovskýs «Slavin»-Artikel «Über die altslawonische Sprache nach Schlözer» und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov. Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit Michail Šmil'evič Fajnštejn. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 137 S. [Anhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Dritte Folge. Bd. 276].....	320
А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указатели В. Б. Крысько. М.: Языки славянских культур, 2006. 688 с. [Классики отечественной филологии].....	321
А. П. Майоров. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 262 с.....	322

Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского. Тексты и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев; Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. 331 с. [Памятники русской агиографической литературы].	323
В. М. Загребин. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб.: Альянс-архео, 2006. 304 с.	324

- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
- СлРЯ XVIII в. I—XI — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—11—, Л./СПб., 1984—2000—.
- Соболев 1957 — В. П. С о б о л е в. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики XVIII века. М., 1957.
- Соболевский 1903 — А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
- Соловьев 1991 — С. М. С о л о в ь е в. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 11. М., 1991.
- Турилов 1993 — А. А. Т у р и л о в. Легендарное донесение из Белграда // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 226—227.
- Уо 2003 — Д. У о. История одной книги. СПб., 2003.
- Харлампович 1918 — К. В. Х а р л а м п о в и ч. «Ведомости Московского государства» 1702 года // ИОРЯС. Т. 23. Кн. 1. Пг., 1918.
- Хаустова 1956 — И. С. Х а у с т о в а. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII века // Учен. зап. ЛГУ. Т. 198. Вып. 24. Л., 1956. С. 51—95.
- ЧОИДР 1887 — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887 г. Кн. 3.
- ЧОИДР 1888 — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1888. Кн. 2. Отд. 2.
- Шамин 2002 — С. М. Ш а м и н. В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) // ВИ. 2002. № 6. С. 134—138.
- Шамин 2003 — С. М. Ш а м и н. Переводы из европейских летучих листков и газет XVII столетия в собрании НИОР РГБ // Румянцевские чтения — 2003. Культура: от информации к знанию: Тез. и сообщ. М., 2003. С. 274—277.
- Bogel, Blühm 1985 — E. B o g e l, E. B l ü h m. Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts. Ein Bestandsverzeichnis mit historischen und bibliographischen Angaben. 3. Bd., Nachtrag / Bearb. von Elger Blühm, Brigitte Kolster, Helga Levin. Bremen, 1985.
- Maier 2003 — I. M a i e r. Die Übersetzungen westeuropäischer Zeitungen am Moskauer Gesandtschaftsamt von 1660 bis 1670: Zur ersten Ausgabe der Vesti-Kuranty mit Paralleltexten // Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15—21 August 2003. Lund, 2003. P. 51—74. (Slavica Lundensia, Supplementa 2).
- Maier, Pilger 2001 — I. M a i e r, W. P i l g e r. Second-hand translation for tsar Aleksej Mixajlovic — a glimpse into the «newspaper workshop» at *Posol'skij prikaz* (1648) // Russian Linguistics. Vol. 25. 2001. P. 209—242.
- Waugh 1972 — D. C. W a u g h. Seventeen-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting: Ph. D. dis. Cambridge (Mass.): Harvard Univ., 1972.
- Waugh 1973 — D. C. W a u g h. The Publication of Muscovite Kuranty // Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History. IX, 3. 1973. P. 104—120.
- Waugh 1978 — D. C. W a u g h. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

М. БОБРИК

ПОЛУ-Ё.
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЗАБЫТЫМ ПАМЯТНИКОМ
РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

*Борису Андреевичу Успенскому
к 70-летию*

Случай натолкнул меня недавно на любопытный источник по истории русского произношения и орфографии. В моих руках оказались две книги из трехтомной хрестоматии по русской литературе, изданной в Варшаве в 1837—1838 годах. На вид книги невзрачны, переплет из блеклой оберточной бумаги. На титульном листе название:

Русская хрестоматія, или избранныя мѣста изъ лучшихъ Русскихъ Писателей, систематически расположенныя и заключающія примѣры на всѣ роды сочиненій въ прозѣ и стихахъ, составленныя Магистромъ Василюемъ Рклицкимъ.

Скользнув глазами по библиотечным штампам, отметке цензора и посвящению генерал-губернатору Варшавы, я открыла первый попавшийся текст «Хрестоматии» и увидела, что в ней расставлены знаки ударения. Листаю и вижу, что проставлена здесь и буква ё. И только позднее, при сплошном чтении этого замечательного издания обнаружилось самое неожиданное — новая, не известная до сих пор в русской азбуке буква. Подарить ее хотелось бы Борису Андреевичу — вдохновенному первооткрывателю и любителю филологических курьезов.

«Русская хрестоматия» и ее составитель

Прежде всего нужно сказать несколько слов о самой книге. Первое издание «Русской хрестоматии» Василия Рклицкого вышло в Варшаве в 1837 году и предназначалось для учащихся польских гимназий. Пособие Рклицкого было составлено, как сказано в предисловии, «по поручению начальства» и посвящено генералу Евгению Александровичу Головину — «Главному Директору Предсѣдательствующему въ Правительственной Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ

— 31 —

и чести водруженъ на мѣстѣ величайшаго преступленія противъ Бога и человечества.

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покусѣнія злобы и неврѣянія, и сѣйное горазство невинности, человеколюбія и религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ не имѣетъ нужды.

Съ зарёю наступающаго міра, котораго мы видимъ слѣдственное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣластъ новыя шаги въ отечествѣ и инеми: снова процвѣтутъ промышленность, искусства и науки, и всѣ слѣдственныя надежды сбудутся; у насъ можетъ быть, родятся Философы, политики и моралисты, и должно поставитъ основаніе ученіе на истинахъ Евангелія, крѣпкихъ, постоянныхъ и неизбѣжныхъ, достойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую, достойныхъ великаго человѣка, ния управляющаго!

Нѣтъ въ мірѣ цѣрства такъ пространна,
Гдѣбы можно столь добра творить!
Ватюшковъ.

О Воспитаніи.

Никто не родится въ свѣтъ ни счастливымъ, ни добродѣтельнымъ, ни просвѣщеннымъ. Природою, природою человѣка, кажется, даётся ему только жизнь и силу дѣйствія, а образованіе его предоставляетъ времени и опытамъ. Не льзя

Царствѣ Польскомъ, Исправляющему должность Варшавскаго Военнаго Губернатора...». Хрестоматия была, таким образом, не частным делом составителя, но официальным заказом и тем самым — частью русской культурной политики в польских владениях. Насколько важную роль играли в этой политике языковые вопросы, показало, в частности, недавнее исследование Б. А. Успенского о проекте русификации польской графики, относящемся к 1840—1860-м годам [Успенский 2004; Комиссарова 2006: 76—77].

Из посвящения следует, что целью Рклицкого было «составить такую книгу, которая могла бы ознакомить учащихся какъ со всѣми родами Русской Словесности, такъ и съ лучшими Русскими Писателями» [Хрестоматия 1837]. На каких же образцах изучалось искусство владения русским языком?

«Русская хрестоматия» разделена составителем на три части. Первая включает в себя тексты так называемой общей прозы (описания, исторические очерки, диалоги, письма). Вторая часть посвящена прозе отвлеченного характера и красноречию. Наконец, третья часть призвана была дать представление о различных жанрах поэзии на русском языке. Каждая из частей хрестоматии рассчитана на определенную ступень обучения в гимназии: первая часть — на учащихся 3-го и 4-го классов, вторая — на учащихся двух следующих классов и третья — на гимназистов двух последних лет обучения.

Классика 1837—1838 годов — это русская словесность 1790—1820-х годов. Рклицкий старался отобрать тексты признанных беллетристов этого времени. Кроме сочинений М. Н. Муравьева, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, Ф. Н. Глинки, Ф. В. Булгарина, И. Сенковского, в книгу вошли забытые ныне, но восхищавшие современников тексты, в частности очерки знаменитого путешественника В. М. Головнина¹ и крупного синолога, автора первой китайской грамматики на русском языке Н. Я. Бичурина². Гимназистов ожидали описания путешествий и нравов (в частности, «Пароды России» Муравьева, «Описание Черногории» В. Б. Броневского, «Святые места» Д. В. Дашкова) и портреты великих людей («Рафаэль», «Корреджио», «Микель-Анджело», «Сократ» Карамзина), отрывки из повестей («Путешествие Анахарсиса», «Оскольд» Муравьева) и исторические анекдоты («Встреча с Карамзиным» Булгарина), сведения из истории христиан-

¹ Особенно большой популярностью пользовались «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» (1816) — по мнению В. К. Кюхельбекера, «и по слогу, и по содержанию одна из самых лучших книг на русском языке». «Записки» знал и ценил автор «Фрегата „Паллада“», они относились к числу любимых книг Л. Н. Толстого (М. П. Лепехин [в изд. ошибочно *Лепехин*. — М. Б.], Головнин [Рус. писатели 1989: 615—616]).

² Сведения о необычной биографии ученого-монаха и обзор сочинений о. Иакинфа (Бичурина) можно найти в статье: Д. И. Белкин и др. Бичурин [Рус. писатели 1989: 270—272].

ства («Церковные обряды V века», «Обращение в христианство св. апостола Павла» архимандрита Иннокентия Борисова) и очерки из русской истории («Состояние России от 1462 до 1533 года. Правление; торговля; деньги; дороги и почта. Москва» из «Истории» Карамзина, «Очерк характера Петра Великого», «О имени славян» Булгарина, «Скандинавы, нордманы или варяги» Полевого), диалоги («Вечер у Кантемира» Батюшкова, «Разговор о счастии» Карамзина) и письма («К Д. о Тавриде» А. С. Пушкина, письма из Лондона П. И. Макарова, письма К.-Ф. Морица из Италии в переводе Карамзина, письмо Д. И. Фонвизина к приятелю о плане Российского словаря, отрывки из «Писем русского путешественника» Карамзина). Некоторые материалы взяты из тогдашних журналов, в частности из «Библиотеки для чтения», беллетристика которого пользовалась большим успехом тогдашней читательской публики.

Во второй части помещена «проза учебная» — это эссе на темы нравственного воспитания («Нечто о морали, основанной на философии и религии» Батюшкова, «О воспитании» А. А. Прокоповича-Антонского), публицистика («О языках» и «О арабской литературе» С. С. Уварова, «О жизни растений» М. А. Максимовича, «Пользы и затруднения государственного знания» Муравьева) и, наконец, образцы литературной критики А. С. Шишкова («Рассмотрение речи, говоренной Георгием архиепископом Могилевским, на прибытие Екатерины II в Мстиславль»), П. А. Вяземского («Озеров»), П. А. Плетнева («Жуковский», «О драматическом искусстве»).

Примечательно, насколько большое место отведено в «Хрестоматии» искусству произнесения публичной речи. Половину второй части «Хрестоматии» занимают образцы красноречия — духовного, представленного именами Анастасия (Братановского), И. В. Леваиды, Платона (Левшина), Филарета (Дроздова), Иоанна (Борисова), Георгия (Конисского), Михаила (Десницкого), и светского (здесь помещены речи Ломоносова, С. А. Ширинского-Шихматова, Карамзина, Батюшкова, Уварова, А. С. Шишкова, С. В. Соловьева), в частности такие любопытные исторические документы, как речь С. С. Уварова «въ торжественномъ собраніи Главнаго Педагогическаго Института 22 марта, 1818 года, по случаю учреждения кафедры Восточныхъ языковъ и возобновленія кафедры исторической» и речь профессора русского языка и литературы С. В. Соловьева «о Литературныхъ совершенствахъ Русскаго языка», произнесенная при освящении нового здания Александровского университета в Гельсингфорсе.

Составителю «Хрестоматии» Василию Васильевичу Рклицкому (1799 — после 1859) принадлежала немаловажная роль в российской культурной политике на территориях Царства Польского. В качестве автора учебников и преподавателя русского языка он был активным проводником этой политики. Не случайно для такой важной культурно-идеологической задачи избирается сын протоиерея из дворян: роль культуртрегеров в польских делах российские власти отводят в первую очередь выходцам из духовного сословия — выпускникам семинарий и православным священникам [Горизонтов 1999: 191—193].

Рклицкий получил образование и начал свою педагогическую карьеру на западе Российской империи. Окончив курс Киевской духовной академии, он поступил учителем словесности в Харьковский коллегиум (1825), где затем преподавал Священное Писание (1826—1827). Прежде чем начать свою деятельность в Варшаве, Рклицкий был профессором философии и инспектором Черниговской семинарии и одновременно ректором Черниговских уездных и приходских училищ (1828—1831). С января 1834 года он становится профессором русской словесности в Варшавской губернской гимназии. Параллельно он преподает русский язык еще в нескольких учебных заведениях: в варшавском Обвовом училище, Александринском институте воспитания девиц, на курсах для государственных служащих польского происхождения, а с 1836 г. — также в Институте сельского хозяйства в Маримонте и на Варшавских дополнительных курсах.

В 1837 году Рклицкий издает «Русскую хрестоматию» и учебник «Начальные основания русского языка для начинающих учиться по-русски, или легчайший способ научиться читать и писать по-русски и переводить с русского языка на польский», а также таблицы для обучения русскому языку в элементарных училищах. «Хрестоматия» и «Начальные основания» были приняты Советом народного просвещения «для всеобщего употребления в училищах Царства Польского» [РБС 1962: 266]³. Таким образом, в 1830-е годы Рклицкий был человеком, в руках которого фактически находилось все преподавание русского языка в Варшаве. Однако его труды продолжали находить применение и позднее: «Начальные основания» переиздавались вплоть до 1860-х гг., на которые приходится «систематическая русификация административного аппарата и культурной жизни» [Горизонтов 1999: 192] в польских владениях Империи.

«Русская хрестоматия» является ценным документом произносительной нормы первой половины XIX века. Традиционными источниками по фонетике и орфоэпии этой эпохи служат рифмы, сведения из грамматик, лингвистическая полемика современников по вопросам произношения. Пособие Рклицкого расширяет наши знания в этой области.

Перед нами около трехсот страниц прозаического текста с фонетической разметкой, подобной той, какую можно найти и в современной учебной книге для иностранцев. «Для научения правильному произношению словъ» здесь проставлены знаки ударения (около сотни страниц первой книги оставлены, однако, без знаков ударения, «дабы можно было испытывать учащихся, до какой степени они приучились къ правильному чтению по-Русски» [Хрестоматия 1837]). Кроме того, с помощью специальных букв в «Хрестоматии» обозначен ударенный [о] после мягких и шипящих.

Такая разметка отражает прежде всего языковые представления составителя. В то же время редактор-составитель пособия, которое предназначе-

³ В других справочниках сведений о Рклицком найти не удалось. О нем молчат все издания Большой советской энциклопедии, словарь братьев Гранат, «Педагогическая энциклопедия» (Т. 1—4. М., 1964—1968). Не упоминает о нем и автор монографии, специально посвященной политике Российской империи в Польше, Л. Е. Горизонтов.

но для иноязычной аудитории и призвано служить сводом образцовых текстов в образцовом произношении, с необходимостью выступает представителем определенной авторитетной нормы. Важно понять поэтому, какую именно норму отражают наблюдаемые в «Русской хрестоматии» фонетические явления.

Предмет данной работы составят наблюдения над тем, как в «Хрестоматии» представлено такое важное для произносительной нормы явление, как мена ударенных [o] / [e] после мягких согласных и шипящих. В первой части статьи мена [o] / [e] будет интересовать нас с графико-орфографической и фонетической стороны, во второй части речь пойдет о том, в каких лексемах возможна эта мена.

I

1.1. Графические способы выражения ⟨o⟩ в позиции мены [o] / [e]

В отношении графических способов передачи ⟨o⟩ под ударением первое (1837) и второе (1838) издания «Русской хрестоматии» различаются между собой. К сожалению, у меня нет возможности сопоставить употребление всех трех томов «Хрестоматии» первого и второго изданий: книги эти очень редки⁴, и добыть оба комплекта полностью мне не удалось. Я располагаю первым томом прозы в издании 1837 года и вторым томом прозы в издании 1838 года. При цитировании к ним отсылает, соответственно, арабская цифра «1» или «2», от которой двоеточием отделен номер страницы.

В первом издании как после парных мягких, так и после шипящих в этой позиции используется буква *ѣ*. В этом отношении Рклицкий следует практике Н. М. Карамзина, который, как известно, первым ввел эту букву в употребление. В 1830-е годы такая практика уже не означала причастности к карамзинизму: покойный придворный историограф стал к этому времени признанным авторитетом в вопросах русского языка и словесности. Конфликт «архаистов» и «новаторов» был преодолен, и литературная благонамеренность, безусловно обязательная для Рклицкого, не предполагала выбора между двумя лагерями. И Карамзин (введший букву *ѣ* в употребление), и Шишков (старательно выскабливавший точки над нею в книгах своей домашней библиотеки) стали классиками⁵, и их соседство на страницах официально рекомендованного учебного пособия по русской словесности, каковым была «Русская хрестоматия», — яркое тому свидетельство.

В немногих отдельных случаях в первом издании после шипящих пишется буква *o*: Печорской (1: 159), моржовые (1: 159). Колебания отмече-

⁴ В Москве один том «Русской хрестоматии», а именно первый том прозы в издании 1837 года, хранится в РГБ.

⁵ О полемике Карамзина и Шихова относительно употребления *ѣ* см. [Панов 1990: 289—294].

ны в формах прилагательного *большой*: наряду с написаниями *не в большѣм* (1: 10, 98), *на небольшѣм* (1: 18) встретилось *на большѡй* (1: 33). Такая практика в XVIII — начале XIX в. известна, ее сторонником был, в частности, А. А. Барсов (см. ниже).

Во втором издании, вышедшем годом позже, *ѣ* используется только после парных мягких, в то время как после шипящих и *ц* используется особая графема *ѣ* — нигде, насколько можно судить по своду Т. М. Григорьевой, до сих пор не отмеченная [Григорьева 2004]. Точка над *е* слегка сдвинута вправо, это как бы правая точка от *ѣ*, поэтому буква выглядит как «полу-ѣ» (см. илл.). Пусть это будет пока рабочим названием новой буквы.

Такую же систему обозначения ⟨о⟩ под ударением, как во втором издании «Хрестоматии», Рклицкий использует в своем пособии «Начальные основания...», которое состоит из небольшой двуязычной хрестоматии и введения к ней — написанного по-польски очерка русской графики и фонетики.

1.2. Значение буквы *ѣ*

Употребление «полу-ѣ» (*ѣ*) во втором издании можно проиллюстрировать следующими примерами: *влечѣт* (2: 42), *предостережѣм* (2: 195), *лицѣ* (2: 41), *образцѣв* (2: 199), *душѣю* (2: 77), *о чѣм* (2: 139 bis), *изречѣннаго* (2: 174), *лишѣнный* (2: 19), *окружѣнный* (2: 142), *просвѣщенном* (2: 184), *нашѣл* (2: 169), *почѣл* (2: 6), *пчѣл* (2: 134), *шѣлка* (2: 26), *тяжѣлых* (2: 159), *учѣный* (2: 85), *чѣрным* (2: 147), *ещѣ* (*passim*) и т. п.⁶

Как интерпретировать такие написания? Имеют ли они чисто орфографический смысл или несут некоторую фонетическую информацию, и если да, то какую?

Ответ на этот вопрос естественно искать прежде всего в упомянутом пособии Рклицкого по русскому языку, которое было издано одновременно с «Хрестоматией». В самом деле, в «Начальных основаниях» употребление «полу-ѣ» комментируется дважды. Фонетический смысл различения *ѣ* и *ѣ* Рклицкий описывает с помощью польских параллелей; смысл этот состоит в том, что буква *ѣ* соответствует произношению польской буквы *o*, в то время как *ѣ* соотносится с *io*:

Jedna kropka nad *e* (np. *ѣ*) oznacza, że to *e* trzeba wymawiać jak *o*; dwie zaś kropki nad *e* (n(a) p(rzykład) *ѣ*) oznaczają, że to *e* wymawia się jak polskie *io* [Рклицкий 1864: 4].

Сочетанием *io* в польском обозначается [’o] и мягкость предшествующего согласного, парного по твердости / мягкости (*wiosna*). В русском языке XVIII — начала XIX в. диграф *io* (обычно с объединяющей обе буквы ломаной дужкой сверху) был одним из способов обозначения ударенно-го [o] после мягких — наряду с *ио*, *ѡо* и (с 1797 г.) *ѣ*. В качестве транскрип-

⁶ Полностью материал приводится ниже, см. таблицу 1.

ционного знака, соответствующего на письме букве *e*, им пользуются в своих грамматиках, в частности, М. В. Ломоносов и А. А. Барсов.

О качестве гласного, обозначаемого буквой *ě*, в учебнике Рклицкого говорится в особом примечании к разделу о произношении буквы *e*. Согласно этому описанию, гласный [o] после шипящих произносится с напряжением и/или повышением голоса, что делает этот звук похожим на польский открытый [o]:

Po gloskach *жс, ч, ш, щ*, gdy *e* ma nad sobą jedną kropkę, i wymawia się z niejakiem natężeniem czyli podwyższeniem głosu, natenczas brzmi jak polskie *o*, n(a) p(rzykład) *ш ě ст ь ж е р д ź, ч ě р н ы й ч з а м ы*, czytaj: *szost, czornyj* i t. p. [Рклицкий 1864: 9]⁷.

Итак, написания с «полу-*ě*», очевидно, имеют фонетический смысл. Употребление этой буквы тесно связано с буквой *ě*. Различие в значении между ними состоит, по Рклицкому, в качестве ударенного [o]: после шипящих оно иное, чем после остальных согласных.

В духе тогдашней лингвистики Рклицкий описывает позиционные чередования с точки зрения гласных — они главные. Характерно, что, поясняя специфику произношения [o] после русских шипящих, он предпочитает прибегать к описанию свойств гласного, гораздо более трудноуловимых на слух для носителя славянского языка, чем мягкость согласного. Рклицкий поступает так, как будто перед ним язык, в котором мягкость согласных не фонологична. Так можно было бы описывать, например, гласные латинского, или немецкого, или французского языка.

Записав правило распределения *ě* и «полу-*ě*» с точки зрения согласных, получим следующее: после парных мягких — *ě*, после шипящих — *ě*.

Таким образом, *ě* и *ě* являются в учебниках Рклицкого вариантами графемы для обозначения фонемы ⟨o⟩ под ударением после согласного. По своему значению *ě* и «полу-*ě*» также взаимосвязаны: если *ě* указывает на ударенный [o] и на мягкость предшествующего согласного, то *ě* призвана обозначать [o] без смягчения согласного:

	ě	ě
под ударением	+	+
после т'	+	—
после ж	—	+

Из этого следует, что буквам *жс, ш, ч, щ* соответствуют, по Рклицкому, немягкие согласные.

Произношение букв *жс* и *ш* считается в «Начальных основаниях» тождественным польским [ż] (*ż*) и [ś] (*sz*) [Там же: 9—11]. Шипящие *ч* и *щ* оха-

⁷ Как свидетельствуют примеры, приведенные в начале этого раздела, «полу-*ě*» употребляется также после *ч*.

рактированы здесь как сложные и транскрибируются с помощью русских буквенных сочетаний, соответственно *ти* и *ити* [Там же: 2] или польских *cz* и *szcz*:

ч wymawia się jak polskie *cz* np. чинъ urząd, чей czyj, честь cześć, czytają: *czyn, czej, czest'*; w środku niektórych wyrazów w mowie pospolitej brzmi jak *sz* np. что со, конечно zapewne, нарочно umyślnie, czytają: *szto, kanieszna, naroszna, i t. p.*

(...) *щ* wymawia się jak *szcz*, пр. щи barszcz, щетина szczecina, щука a szczupak, czytają: *szczy, szczetina, szczuka i t. p.* [Там же: 11].

Иными словами, произношение русских букв *ш*, *ж*, *ч* и *щ* описывается у Рклицкого как близкое польским альвеолярным шипящим, соответственно [š], [ž], [č] и [šč]. На фоне современных русских шипящих литературного языка польские [š] и [ž] воспринимаются как более мягкие, а [č] ([šč] = комбинация [š] и [č]) — как более твердый по сравнению с их русскими соответствиями. Сходным образом, если верить Рклицкому, произносились и русские шипящие, а именно как [ш·], [ж·], [ч] и [ш·ч]⁸. С таким «средним» произношением шипящего согласуется и та характеристика, которую Рклицкий дает гласному [о] в позиции после шипящего (см. выше). В самом деле, при «среднем» произношении шипящего последующий [о] неизбежно продвигается в зону переднего ряда верхнего подъема, что автор учебника и пробует описать как «напряжение» и «повышение голоса».

На этом фоне становится понятнее, зачем Рклицкому понадобилось вводить букву «полу-ё». Смысл различения орфограмм *i'ě* и *žě* состоял, можно думать, не только в том, чтобы по возможности более точно передать русский выговор, но и в том, чтобы предостеречь польских учащихся от интерференции, опасность которой в области шипящих особенно велика. По аналогии с мягкими согласными носители польского языка могли подставлять в позиции мены [о] / [е] вместо немягких шипящих свои мягкие щелявые шипящие. С помощью специальной буквы Рклицкий считает нужным указать на то, что произносить следует именно [ž] (а не [ž'']), как в *ziomek*, [č] (а не [č'']), как в *ciotka*, [š] (а не [š'']), как в *siostra* и [šč] (а не [šč'']), как в *ściosać*. Кроме того, введение «полу-ё» позволяло достичь единообразия графики «Русской хрестоматии» и «Начальных оснований».

Рекомендуемое Рклицким произношение шипящих как [ш·], [ж·], [ч] и [ш·ч] не только отличается от современной русской литературной нормы, в которой имеем соответственно [ш], [ж], [ч'] и [ш':], но и от сложившихся в исторической фонетике представлений о произносительных традициях 1-й половины XIX века.

Возникает вопрос, с какой же традицией и/или нормой мы имеем дело в «Русской хрестоматии» и «Начальных основаниях»? Украинское происхо-

⁸ Если использовать способ записи Рклицкого (*ч* = тш, а *шч* = штш, см. выше), последние два звука можно записать так: [т·ш·] и [ш·т·ш·].

ждение Рклицкого и его духовное образование дают основания предположить, что Рклицкий рекомендует своим польским ученикам западнорусский вариант книжного произношения шипящих. В этом случае материал «Хрестоматии» мало что дает для исторической фонетики русского языка. Чтение фундаментальной и столь любимой «Истории русского литературного произношения» М. В. Панова способно скорее укрепить в этом предположении: в книге последовательно проводится мысль о непрерывности традиции твердого произношения *ш, ж* и мягкого произношения *ч, щ* от XVIII в. до наших дней. Тем временем очевидная (и признававшаяся М. В. Пановым) недостаточность сведений о качестве шипящих не позволяет считать этот вопрос решенным.

Проблему составляет, в частности, интерпретация прямых свидетельств начала XX в. о твердом и полумягком произношении шипящих в Петербурге. Ряд косвенных свидетельств более ранней эпохи может расширить круг фактов, свидетельствующих в пользу такого произношения. На этом фоне видеть в трактовке шипящих у Рклицкого воздействие его малорусского фона по меньшей мере необязательно⁹. Напротив, данные «Русской хрестоматии» и «Начальных оснований» дают повод еще раз внимательнее присмотреться к свидетельствам немягкого произношения шипящих в великорусской норме.

*1.3. Для чего понадобилась буква ё,
или Вопрос о немягкости шипящих*

В грамматиках русского языка XVIII—XIX вв., начиная с Лудольфа (1696), особое внимание (из шипящих) уделяется произношению *щ*: для русских это маркер разных произносительных традиций, для иностранцев — труднейший звук русской речи. Буква *щ* считается в эту эпоху эквивалентной сочетанию *шч*. Сведения о произношении *щ* как долгого мягкого звука без аффрикации появляются лишь в конце XIX в. (это, разумеется, не значит, что его до тех пор не было, но значит лишь то, что, будучи лишним культурного престижа, он оставался вне поля зрения нормы). О твердости / мягкости *ч* и *шч* прямо в источниках не говорится нигде. О ней можно судить лишь на основании таких косвенных свидетельств, как примеры, транскрипции и иноязычные аналоги в соответствующих разделах грамматик русского языка. Не ставя перед собой задачу дать исчерпывающий обзор свидетельств о произношении *щ* и *ч*, приведу некоторые ключевые высказывания названного периода.

1. «*Compendium Grammaticae Russicae*» (1731). В составленной на немецком языке первой академической грамматике русского языка *ч* и *щ*

⁹ В отдельных случаях такое воздействие можно видеть, однако, в написаниях *и* вместо *ы*: *сырости* (1: 35), *сырим* (Д. мн. 1: 150) наряду с *сырость* (1: 37), ср. также *покрывающий* (1: 36).

описываются через звуки других европейских языков: *ч* по аналогии с *tsch* в немецком (как *deutsch*) и с *cz* (как *czas*) в польском, *ц* — с помощью немецкого (букво)сочетания *schtsch* и польского *szcz*¹⁰:

Ч. ist so viel als das Teutsche tsch. Polnische: cz. Frantzösische *tch*, als: Часть Tschaf, *czas*, *tchaç*, die Stunde. члень Tschlen, *czlen*, *tchlen* das Glied. вѣчный, *wjetschniÿ*, *wiecznyi*. — ewig. {...}

Щ. wie das Teutsche schtsch, Pol. *szcz*, Frantz: *chtch* als: щастіе Schtschastie, *Szczastie chtchastie* das Glück. всемогущіи, *wsemoguschtschiÿ*, *wsemoguschtschiy*, *wçemogouchtchi*, der allmächtige [Compendium 1731: 148].

И в польском, и в немецком данные звуки произносятся, в терминах русской фонетики, как немягкие, перед задними гласными скорее твердо, перед передними — скорее полумягко. Кроме аналогии с немецкими и польскими звуками (которая может оказаться и весьма приблизительной), важно учесть систему обозначения мягкости в «Компендиуме», которая также указывает на то, что шипящие отличаются в этом отношении от парных мягких. Мягкость согласных как на конце слова, так и в позиции перед передними гласными обозначается в «Компендиуме» знаком *j*. III, например, снабжается таким знаком только в позиции перед *ѣ*. Так, например, транскрипция «шесть», *szestj*, *schestj*, *chestj*, *sechs* отчетливо противопоставлена транскрипции «шѣсть», *szest schjest*, *die Stange* [Ibid.: 149—150]¹¹ (отмечу, что примеров с меной [o] / [e] под ударением после шипящих в грамматике нет, так как в ней вообще отсутствуют сведения о возможности такой мены и, соответственно, [o]-вариантов; очевидно, они воспринимаются составителями грамматики как ненормативные). Итак, в «Компендиуме» *ч* и *ц* предстают как, соответственно, немецкие / польские [ç] ([ч] или [ч·]) и [ʃç] ([шч] или [ш·ч·]).

2. В. К. Тредиаковский, «Разговор об орфографии» (1748). В своем учебном диалоге «Разговоръ между чужестраннымъ челоуѣкомъ і россияскимъ объ орфографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ к сей матеріи» В. К. Тредиаковский, называя звуковые соответствия буквам русской азбуки, для шипящих указывает следующие значения: *ж* — «jou по французскому выговору», *ч* — «cza по польскому, а нѣмецкому *tscha*», *ш* — «chou по французскому» [Тредиаковский 1849: 269]. Буквы *ц* в списке нет, потому что Тредиаковский считал *ц* равнозначным сочетанию *шч* и потому избыточным в русской азбуке:

¹⁰ Французские параллели, добавленные позднее, менее показательны в фонетическом отношении. Транскрипцией *ц* с помощью немецкого *schtsch*, как указано в комментарии к «Компендиуму», прежде уже пользовались Лудольф (1696) и Й. В. Паус (1710—1720-е годы). Обе грамматики служили источниками при составлении «Компендиума» [Compendium 1731: 57—58].

¹¹ Ср. данную пару также в списке слов, которые из-за сходства в произношении легко спутать [Compendium 1731: 159].

Не надлежѣтъ Ей бытъ у насъ въ Алфавитѣ, ддятого что (шч) по́рошнь, всю Ея должность отправляютъ исправно [Там же: 136]¹².

Первоначально, полагает Третьяковский, *шч* произносилось в церковнославянском языке как [шт], как его и произносят по-прежнему «киллирические славяне». У русских же утвердилось произношение этой буквы как [шч]. Источник такого развития Третьяковский склонен видеть в югозападнорусской (малорусской) традиции:

Чтожь она у Кірілла са (шт); то не токмо самоЕ связаніЕ Ея фігуры показываЕтъ, но і всѣхъ ілліріческихъ славянъ проісношеніЕ, коімъ она дана Кірілломоу: ібо всѣ оні тѣ слова проісносятъ чрезъ (шт), коі мы выговариваЕмъ чрезъ (шч). Напріміѣрь, мы говорімъ *прічашченіЕ*, а они *прічаштеніЕ*, мы *благовѣщеніЕ*, а оні *благовѣитеніЕ*, равнымъ образомъ і всѣ прочія, такъ что я не знаю, отъ кого мы сперва научілись проісносіть Ея са (шч), развѣ токмо отъ малоросіанъ [Там же]¹³.

Произношение *шч*, рекомендуемое Третьяковским в качестве «общего употребления» «знающих» людей (см. [Там же: 214]), совпадает, таким образом, с малорусским, в котором *шч* произносится твердо.

Существенно, наконец, замечание автора «Разговора об орфографии» о том, что «Буквы (ж) (ч) (ш) великоЕ імѣютъ сопротивленіЕ соЕдинятъ ся съ двугласными, также і съ знакомъ отонченія (ь)». Примеры приводятся такие:

жалость, а не *жялость*.
часть, а не *чисть*.
шатеръ, а не *шитеръ*.
жестокъ, а не *жѣстокъ*.
челости, а не *чѣлості*.
иеть, а не *иѣсть*.
вещь, говорітся а не *вещь*.
чудо, а не *чудо*.

Перед нами ясное свидетельство немягкого произношения шипящих, в частности *ч* и *шч*. Такое произношение автор называет далее причиной того, что при мене [e] / [o] после шипящих слышится не *іо*, а *о*, то есть шипящие произносятся без смягчения:

Сія Есть причина, что по буквѣхъ сіехъ слѣдующеЕ (е) ударяЕмоЕ, которому было по большой часті надлежало премѣняться въ (іо), обрашчаЕтся по большой же часті въ (о); какъ: *пріжогъ* вмѣсто *пріжѣгъ*, *начоль* вмѣсто *начѣль*, *ушоль* вмѣсто *ушѣль*.

¹² Сам Третьяковский пользуется вместо *шч* сочетанием *шч*.

¹³ Комментарий М. В. Панова: «Это существенно: в украинском языке русскому *шч* соответствует [шч] (например, *священний* = [с'в'ашчѣн:ий]). Видно, Третьяковский имел в виду именно произношение [ш'ч']» [Панов 1990: 365]. М. В. Панов исходил, очевидно, из того, что такое произношение *шч* было гибридным: африкация — перенятая, а мягкость — своя.

Итак, у Тредиаковского *ч* соответствует польскому или немецкому [č] ([ч] или [ч·]), а *щ* предстает как [шч] или [ш·ч·].

3. М. В. Ломоносов, «Российская грамматика» (1757). Как и Тредиаковский, М. В. Ломоносов относит *щ* к числу лишних букв русской азбуки, потому что эта буква, по его мнению, синонимична сочетанию *шч* (или *сч*). Сходно у обоих авторов и сопоставление русского и инославянского произношения *щ*:

Щ составлена изъ Ш и Ч, не болше права имѣть быть въ азбукѣ, какъ ѣ и џ, и въ употребленіи развѣ для того оставить, что въ нѣкоторыхъ Россійскихъ провинціяхъ какъ ШШ, въ Сербіи и у другихъ Славенскихъ народовъ, которые Славенороссійскіе буквы употребляютъ, какъ ШТ произносятся [Ломоносов 1982: 42—43].

Комментарий М. В. Панова: «Видно, что для него щ = [ш'ч'], иначе он не стал бы противопоставлять это сочетание „монофтонгу“ [ш]. Вероятно, в Петербурге уже складывалось произношение щ как [ш'ч'], а московское произношение {...} Ломоносову не было хорошо известно» [Панов 1990: 364]. Мягкость [шч] из противопоставления его звуку [ш:] едва ли следует. Под произношением *щ* как ШШ «в некоторых российских провинциях» Ломоносов мог иметь в виду не искаженное московское [ш':], а твердое произношение *щ* как [ш:] (щука [ш:у́ка]), известное в средневеликорусских говорах наряду с [ш':] «московского» типа [Дурново 2000: 86]. Ясного ответа на вопрос о качестве произношения *щ* «Российская грамматика» не дает: щ = [шч] (?).

Для разговора о «полу-ё» любопытен, однако, тот факт, что в поэтическом языке Ломоносова и его последователей (по Панову, в лиловой системе, ориентированной на церковнославянские нормы) сочетания *т'о* и *ѡ* имеют различный стилистический статус. По наблюдениям Б. В. Томашевского над рифмами Ломоносова и других поэтов XVIII в., в высоких жанрах в позиции мены [о] / [е] под ударением [о]-варианты чаще встречаются после шипящих и *щ*, чем после парных мягких [Томашевский 1959: 86; Панов 1990: 292, 328, 402]. Объяснения этому факту пока нет. Очевидно, однако, что шипящие в этой позиции воспринимались иначе, чем парные мягкие. Возможно, причиной было именно немягкое произношение шипящих.

«Как будто ясно, — резюмирует М. В. Панов, — в той речи, которую наблюдали Тредиаковский и Ломоносов и которой они сами владели, буква *щ* передавала [ш'ч'] (мягкость этого сочетания не отмечена наблюдателями, но в связи с последующей его историей в литературном языке не вызывает сомнения и й)» [Панов 1990: 365; разрядка моя. — М. Б.]. Итак, щ = шч? Несомненно. Буква щ = [ш'ч']? Вряд ли. Данных о мягкости этого сочетания нет; немецкие и польские параллели (в «Компендиуме» и у Тредиаковского) говорят за твердое или полумягкое произношение *ч* и *щ*. Что касается после-

дующей истории *щ*, то в ней можно найти аргументы и в пользу немягкого произношения (см. ниже). Итак, в первой половине XVIII в. *щ* = [щч] или [ш·ч]. С учетом этой поправки с выводами М. В. Панова следует соглашаться. Суть их сводится к следующему.

Престиж произношения *щ* и *ч*, описанного у Ломоносова и Тредиаковского, был основан на традиции церковного произношения. Вкусы и привычки эпохи в этой сфере (прежде всего через богослужение и гомилетiku) во многом определяли духовные деятели украинского происхождения. Однако такое произношение не было ни специфически церковнославянской, ни специфически украинской приметой. Одновременно оно существовало в тогдашнем разговорном языке Петербурга. Важным достоинством произношения *щ* как [шч] был, таким образом, его нейтральный характер (по Панову, это было «сочетание, пригодное для всех» [Там же: 323]).

4. А. А. Барсов, «Российская грамматика» (1783—1788). Как показал Б. А. Успенский, А. А. Барсов был связующим звеном между двумя периодами кодификации русского языка: эпохой 1730—1750-х годов, с одной стороны, и эпохой рубежа XVIII—XIX веков — с другой [Барсов 1981: 3—30, в особенности 8—20; Успенский 1997: 628—656, в особенности 631—637]. В то же время описанный у Барсова узус — это узус авторов «Русской хрестоматии» Рклицкого, М. Н. Муравьев и Н. М. Карамзин, произведения которых занимают в «Хрестоматии» видное место, были почитателями Барсова. К Барсову восходит и высказывание Карамзина о правилах языка, которое Рклицкий взял эпиграфом к своей «Хрестоматии»: «Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя» (илл. 1)¹⁴. Для темы настоящей работы «Российская грамматика» Барсова тем более ценна, что она сообщает исключительно подробные сведения об употреблении [o] / [e] под ударением и о произношении согласного перед ними.

В отличие от академического «Компендиума», где все буквы русского языка транскрибируются средствами трех выбранных для этой цели европейских языков (немецкого, польского и французского), у Барсова, как и у Тредиаковского, каждой букве подыскивается ближайшее фонетическое соответствие из разных языков. Значение шипящих (и только их) Барсов описывает с помощью немецких соответствий: *ц* — *z*, *ч* — *tsch*, *ш* — *sch*, *щ* — *schtsch*. Такая избирательность автора заставляет видеть здесь парал-

¹⁴ Цитата из речи Карамзина в собрании Российской Академии 5 декабря 1818 года. По рассказу Карамзина, «великой муж русской грамматики» А. А. Барсов говорил: «Мой друг! Нам дают правила; но всякое из них рождает исключения. Я могу вытвердить их наизусть и беспрестанно ошибаться: следственно, правила неосновательны... Не будем клеветать на язык: он имеет верные законы; но мы только еще не открыли их» (Н. М. Карамзин. Великий муж русской грамматики; цит. по [Панов 1990: 317]).

лель, более надежную, чем у Лудольфа или у авторов «Компендиума» (см. выше). В немецком языке, где твердость / мягкость не фонологична, фонемы ⟨š⟩ и ⟨ſ⟩ реализуются средними по твердости / мягкости звуками, которые в зависимости от положения в слове могут перемещаться в ту или иную сторону по шкале мягкости / твердости — от полутвердого перед [a:] (*schar*) до полумягкого перед [i:] (*schielen*). Из *ш* и *ч*, соответствующих немецким [š] и [č], складывается у Барсова транскрипция буквы *щ* (сочетание *schtsch* [šč] для немецкой фонетики искусственно). Именно поэтому он называет ее «связною буквою» и, вслед за Третьяковым и Ломоносовым, считает излишней в азбуке¹⁵.

Напротив, недостает в русской азбуке, по мнению Барсова, «начертания для того гóлоса, которымъ мы въ общихъ разговорахъ букву *e* иногда выговариваемъ, а именно на пр. въ словахъ *медь, // ледь, верёвкинь,* и въ бесчисленныхъ другихъ; т. е. какъ тонкое *o* [разрядка моя. — М. Б.]¹⁶; который выговоръ хотя нѣсколько низкимъ почитается, однако жъ во многихъ случаяхъ безъ него обойтись не можно: почему оный и изображается иногда, не только на письмѣ, но и въ печати соединенными буквами *i* и *o* или бук(в)ами жъ *ь* и *o* какъ слѣдуетъ: *мiодь, лiодь, верьoвкинь.* и проч.» [Барсов 1981: 45, 55—57]¹⁷.

Рассказывая об употреблении [o] / [e] под ударением, автор «Российской грамматики» называет разряды слов, в которых «Е подъ ударенiемъ, въ просторѣчii, (...) перемѣняется на *io*» [Там же: 45, 55—57]¹⁸. Характерно, что среди примеров здесь фигурируют только слова с парными мягкими перед ударенным [o] и нет ни одного примера с шипящими. Объяснение этому находим в специальном комментарии Барсова:

Какъ послѣ сугубствующихъ согласныхъ, т. е. послѣ *ж, ч, ш, щ,* изощренная *io* не различуется голосомъ отъ простой гласной *o*

¹⁵ «Излишнимъ почитать должно и *щ* поелику оное не одинъ простой голосъ человеческой изображаетъ, но два вдругъ а именно *ш* и *ч*, по чему и называется *связною* буквою» [Барсов 1981: 43].

¹⁶ Термин «тонкое *o*» использовал ранее Ломоносов, ср.: «Выговариваютъ Е, какъ тонкое О. Сiе бываетъ, когда какая самогласная буква перемѣнится чрезъ склоненiе или спряженiе на Е съ ударенiемъ» [Ломоносов 1982: 46].

¹⁷ По данным Б. А. Успенского, наиболее ранние примеры употребления буквы *io* обнаруживаются у В. Е. Адогурова в его грамматике 1738—1740 гг. [Успенский 1997: 589].

¹⁸ Барсов смотрит на мену [o] / [ɔ] как на необходимость и, хотя и отмечает «просторечный» характер этой мены, обходится с ней, по выражению М. В. Панова, «мирно, таровато, без скандала» [Панов 1990: 318]. Одним из предшественников Барсова в этом отношении был московский поэт А. А. Ржевский, который в 1760-е годы отстаивал (как черту, в частности, московского произношения) эстетическое достоинство «превращения» *e* в *io*, полагая, что оно, «нимало не повреждая силы и важности словъ российскихъ, делаетъ ихъ нежными и приятными» [Бобрин 1993: 46].

[разрядка моя. — М. Б.]; то сія послѣдняя вмѣсто ея и пріемлется во всѣхъ показанныхъ предъ симъ перемѣнахъ ёсть на *іо*, на пр. *жёлтой, жёлтъ, чѣрстой, чѣрствъ, (шелкъ) шёлковой, шѣрохъ, щёлкъ, ужѣ, хорошѣ, но-жемъ, колачемъ, барышѣмъ, плаще*"¹⁹, *жжѣтъ, сожжѣтъ, чѣль, счель, прочѣль, чѣсанъ, шѣль, пришѣль, произошѣль, щелчѣкъ*, выговаривается и въ потребномъ случаѣ пишется, *жёлтой, жёлтъ, ужѣ, приду, жохъ, шолкъ*, и проч. *шоль, пришоль, произошоль* [Там же: 56].

Итак, «тонкое *о*», или «изоощренная *іо*», произносится после парных мягких согласных, в то время как после шипящих произносится «простой гласной *о*». «Простой» значит здесь 'не сопряженный с мягкостью предшествующего согласного'. Для этой позиции вводит специальную букву Барсов не видит необходимости: [о] = *о*. Иначе, как мы видели, он смотрел на «тонкое *о*» после мягких, для которого, по его словам, в русской азбуке эквивалента нет. Радикальный выход из этого неравновесия предложит Карамзин, а именно *ѣ* для обеих позиций¹⁹. Другая возможность — в учебных целях — будет реализована в «Хрестоматии» Рклицкого: после мягких — *ѣ*, после шипящих — *ѣ*.

В 1-й половине XIX века (по Панову, в эпоху голубой системы), к которой относится «Хрестоматия» Рклицкого, нормы произношения еще чрезвычайно подвижны, хотя процесс осознания и укрепления «нормативности литературной речи уже начался» [Панов 1990: 246]. Указания на авторитетную для тогдашнего языкового сознания традицию можно искать, в частности, в учебниках для иностранцев. Авторы этого рода пособий были вынуждены выбрать из произносительной разноголосицы одну определенную систему в качестве основы преподавания. Такая задача стояла и перед В. Рклицким. Любопытно сравнить его решения с произносительными рекомендациями современных ему пособий для иностранцев.

5. А. В. Татне, «Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche» (1810). Одним из таких пособий был учебник русского языка для немцев, составленный преподавателем немецкой школы святого Петра в Петербурге Дитрихом Августом Вильгельмом Татне (1778—1830). Учебник впервые вышел в свет в 1810 году и до 1823 года выдержал шесть изданий. Его полное название: «Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Übersetzen aus dem

¹⁹ Говоря о влиянии «щегольского наречия» в качестве особой разговорной традиции на современный русский литературный язык, Б. А. Успенский, в частности, отмечает, что «к фонетическим признакам „щегольского наречия“, которые получают в дальнейшем более или менее широкое распространение, относятся грассирование и манерное шепелявенье» [Успенский 1985: 47, 54]. Шепелявое произношение могла в какой-то мере отражать и идущая от Карамзина практика написаний с *ѣ* не только после парных мягких, но и после шипящих.

Deutschen in das Russische, und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis auf die neuesten Zeiten». В моем распоряжении находилось второе, дополненное издание 1812 г. Автор учебника был протестантским священником, получившим в Геттингене блестящее образование теолога и философа [РБС 1962: 20, 291—292]. Во время девятилетнего пребывания в России Таппе служил преподавателем нравственности, истории и антропологии в школе св. Петра, занимался переводами, издал несколько учебных книг, в частности русскую хрестоматию и книгу для чтения из «Истории» Карамзина с языковыми комментариями²⁰.

Произношение шипящих, которое берет за основу Таппе, не противоречит тому, что мы знаем об этих звуках из источников предшествующего периода. О мягкости произношения *ч* и *щ* речи нет и здесь. В то же время, благодаря более аккуратной транскрипции, можно уверенно заключить о произношении их без мягкости.

Мягкость согласных последовательно отмечается в учебнике Таппе с помощью букв *j*, *ä*, *ö*, *ï* или знака «апостроф» ('). Шипящие в транскрипциях не снабжаются ни одним из названных знаков мягкости.

Отметив различия в напряженности («резкости»²¹) [ч] в зависимости от положения в слове, Таппе приводит несколько примеров, из которых явствует, что речь идет о немягком согласном (автор уподобляет его английскому и испанскому *ch*, а также итальянскому *c* в сочетаниях с передними гласными):

Sehr scharf tönt ч im Anfange, weniger scharf am Ende, z. B. чай (tschai) der Thee; часть (tschaß), die Stunde; дочь (dotsch), die Tochter; ночь (notsch), die Nacht [Таппе 1812: 12].

Что же касается произношения *щ* как [шч] — «наисложнейшего и самого сильного из всех шипящих»²², то наиболее трудным автор считает позиции начала и конца слова:

²⁰ Хрестоматия служила второй частью названного учебника русского языка и называлась «Neues russisches Elementarlesebuch für Deutsche, enthaltend Sentenzen und Maximen, Fabeln, Anekdoten, eine geographisch-statistische Uebersicht Russlands, eine Komödie im Auszuge und Bruchstücke aus Karamzins Schriften». Третью часть составляла книга для чтения по истории России, в которую вошли тексты из «Истории» Карамзина: «Сокращение Россійской Исторіи, Н. М. Карамзина, въ пользу юношества, съ знаками ударенія, истолкованіемъ труднѣйшихъ словъ и рѣченій, на Нѣмец(комъ) и Француз(скомъ) языкахъ, и ссылками на грамматическія правила», в двух частях (Санктпетербург 1819; 1824).

²¹ В немецкой фонетической традиции термин *резкий* (*scharf*) обычно относят к глухим согласным.

²² Чрезвычайно трудным для иностранцев звук [шч] считали и предшественники Таппе Й. Паус и В. Е. Адодуров.

Der zusammengesetzteste und stärkste unter allen Zischlauten, nämlich ein шч, oder schtsch. Am schwersten ist er zu Anfange und am Ende auszusprechen, z. B. щáctie (schtschasstije), das Glueck; леуць (leschtsch), der Brachsen.

Чтобы облегчить задачу учащихся, Таппе советует им в трудных случаях срединного положения шч в слове произносить его раздельно, что еще более подчеркивает составной характер звука, и приводит примеры такого скандирующего произношения:

Da wo sich dieser Laut in der Mitte eines Wortes befindet, muß man ihn zu theilen suchen, z. B. ищи́ (isch-tschi), suche; защища́ю (sach-tschisch-tscha-ju), ich vertheidige [Ibid.: 13].

Таппе отмечает различие в произношении ударенного [о] после парных мягких, с одной стороны, и после шипящих и ц, с другой стороны. В комментарии к употреблению буквы е автор указывает, что после шипящих она произносится как [о], в то время как после мягких согласных — как [ё]:

Als ö²³ lautet es: a) wenn es den Ton hat, und vor einem Consonanten steht, nach welchem ein hartes a, o, u, y, oder ь folgt, z. B. берёза 4²⁴, бочёнок 5, дёрну 6, варёный 7, лёвь 8. b) Vor г, к, х, ж, ч, ш, z. B. застёгиваю 9, далёки 10, отпёхиваю 11, ёжь 3, кулёчикъ 12, дешёво 13. (...) Als o tönt es in den obigen Fällen (...) nach den Buchstaben ж, ц, ч[,] ш, щ, z. B. жёлтый 14, лицёмъ 15, чёртъ 16, шёлъ 17, щётка 18 [Ibid.: 8].

Отдельно Таппе приводит для названных примеров транскрипцию и перевод на немецкий:

4) berö'sa, die Birke; 5) botschö'nok, das Faeschen; 6) dö'mu, ich werde zupfen; 7) warö'nui, gekocht; 8) ljöw, der Loewe; 9) sasstö'giwaju, ich knoepfe zu; 10) dalö'ki, weit. 11) otpö'chiwaju, ich stoße weg. 12) kulö'tschik, das Saekchen. 13) djö'schewo, wohlfeil. 14) schóltui, gelb. 15) lizóm, mit dem Gesichte. 16) tshort, der Schwarze, der Teufel. 17) schól, ging. 18) schtschótka, die Buerste [Ibid.: 9].

Традицию использования в обоих случаях буквы ё Таппе связывает с Карамзиным и его последователями. Следует ей и сам автор как в учебнике, так и в сопровождающей его хрестоматии, замечает, однако, что произношение в данной позиции варьирует в различных регионах России:

Herr von Karamzin, und andere, pflegen jetzt in beiden Fällen, wenn e als oe oder o gelesen werden soll, über das e immer ein Trema (oder zwei Punkte) zu setzen (ë), welches auch in dieser Sprachlehre und dem damit verbundenen Lesebuche überall geschehen ist. Die Aussprache als ö und o ist indeß in den verschiedenen Gegenden Rußlands selbst verschieden [Ibid.: 8].

²³ В издании умлаут передается соответствующей буквой с почти замкнутой дужкой над ней. Исторически такие написания служили промежуточным вариантом между диграфом (ae, oe, ue) и принятыми ныне написаниями (ä, ö, ü), которые используются при цитировании книги Таппе и в данной работе.

²⁴ Цифры обозначают нумерацию примеров.

Итак, в той традиции произношения, которую Таппе берет за основу, шипящие произносятся твердо или (если доверять немецким аналогиям) полумягко, следовательно, реализации (о) под ударением после парных мягких и после шипящих оказываются различными. На это различие указывал, как мы помним, Барсов. Принципиальную роль играет оно и в пособиях Рклицкого, который находит для различения двух позиций графическую форму: *ě* после парных мягких, *é* — после шипящих и *ц*. Единство Таппе и Рклицкого в интерпретации шипящих убеждает в том, что в «Хрестоматии» и в «Начальных основаниях» дело не в украинско-церковнославянском фоне составителя. Такая фонетика шипящих отражает, по всей видимости, авторитетную произносительную норму. Совпадение ее с нормой в пособии Таппе, с одной стороны, и с данными грамматик XVIII в. петербургского происхождения — с другой, позволяют утверждать, что в Петербурге эта норма имела определенную традицию²⁵.

Подтверждение этим выводам находим в более поздних свидетельствах о петербургском произношении, относящихся к середине XIX — началу XX века (по Панову, область зеленой и желтой систем). К этому времени «локальные разновидности литературной речи» (прежде всего петербургская и московская) вполне сформировались [Панов 1990: 154]²⁶. Одной из различительных черт этих разновидностей было произношение шипящих. Ясность картины, выстроенной М. В. Пановым (в Москве — [ш':], в Петербурге — [ш'ч']), нарушается, однако, свидетельствами о твердом и полумягком произношении шипящих в речи определенной части петербургской интеллигенции конца XIX века.

6. Р. Ф. Брандт, «Лекции по истории русского языка» (1913). Важным информантом здесь является профессиональный лингвист Р. Ф. Брандт, пе-

²⁵ Петербургской произносительной традицией объясняется, возможно, также отражение в «Хрестоматии» твердого (или полумягкого) произношения конечных губных (ср., например, *семь* 1: 160). Говорить о петербургской норме в эту эпоху не приходится. По крайней мере, нет данных о том, что она осознавалась современниками как противопоставленная какой-либо иной норме в России. Не знаем мы и того, насколько отчетлива была «изоглосса» *щ* [шч]. Непоследовательна в этом смысле позиция М. В. Панова в его речевых портретах эпохи. Так, он убежден, что А. С. Пушкин был носителем произношения *щ* [ш':], потому что он был родом из Москвы; рифма *щщу* — *хочу* у Пушкина «не повод для сомнений». У И. И. Дмитриева рифмы *сыщу* — *полечу*, *ищу* — *получу* оказываются, напротив, «красноречивы» как примета петербургского произношения, которое как будто уже вполне оформилось, в то время как для более поздней голубой системы автор в этом не уверен [Панов 1990: 269, 277, 311].

²⁶ Отсутствие единой общеобязательной нормы наглядно проявляется, например, в том, что рядом с цитируемым ниже рассуждением петербуржца Брандта существует взгляд москвича А. И. Соболевского, для которого (в его «Очерках из истории русского языка») «великорусское литературное» — это произношение *ишию*, *еишиё*, то есть с [ш':] [Соболевский 2004: 110].

петербуржец по своим произносительным навыкам. Он отмечает такое существенное свойство современного ему произношения, как наличие у шипящих ряда аллофонов, различающихся по степени твердости / мягкости. В «Лекциях по истории русского языка» (1913) Брандт пишет:

Наши шипящие звуки въ древности, какъ предполагаютъ, были мягки, но успѣли, болѣе-менѣе, отвердѣть, и теперь ч иногда звучитъ мягко, а иногда довольно твердо. *Щ* тоже звучитъ то мягко, то довольно твердо, напр(имер), въ словѣ пощада. {...} Сказанное про ч и щ еще больше относится къ другимъ шипящимъ звукамъ — ж и ш, которые въ русскомъ языкѣ рѣшительно отвердѣли [Брандт 2005: 19].

Нарушение этой исторической тенденции к отвердению шипящих Брандт видит в двух позициях — перед *e* и перед *и*. В этих позициях, пишет Брандт, шипящие реализуются звуками, средними по твердости / мягкости:

Какъ исключеніе изъ общаго закона мы имѣемъ звукъ *e* безъ предшествующей мягкости послѣ шипящихъ ж, ш и послѣ согласнаго дифтонга *тс* (= *ц*). Эти звуки перед е бываютъ средними — ни мягкими, ни твердыми, напр(имер), *ж'ес'т'*, *ш'ес'т'*, *т'с'ел'*, *т'ш'ес'т'* [Там же: 23].

Слово *щедрый* Брандт записывает, например, так: *шт'шадрый* [Там же: 36]. В артикуляционном отношении описанная у Брандта ситуация схожа с немецкой (ср. произношение шипящих перед [e] в словах *Schère, Zécke, Tschéche*), так что без большой натяжки можно сказать, что транскрипция *ш'ес'т'* у Брандта равноценна транскрипции *schestj* в академическом «Компендиуме» 1731 г. (ср. выше).

В отношении позиции перед *и* Брандт не соглашался с радикальным суждением Г. П. Павского, который сообщал (в работе «Филологические наблюдения над составом русского языка. Первое рассуждение: О буквах и слогах». СПб., 1850), что [ы] произносился не только в сочетаниях *жи, ши*, но и в сочетаниях *чи, ци*. Брандт считал, что «Павский преувеличивал», и различал по степени мягкости *ж* и *ш*, с одной стороны (они «тверды»), и *ч* и *ц*, с другой стороны (они «довольно тверды») [Там же: 32]. Так, в *пожить* произносилось, по Брандту, «не чистые (т. е. широкие) ы, но с оттенком и» — «ы узкие», или [ы^и]; в то время как в *почить* слышалось «не узкое и, но с оттенком ы» — «и широкое», или [и^и]. В пользу Брандта следует, очевидно, интерпретировать и транскрипции сочетаний шипящих с *и* у Таппе, который не обозначает мягкости шипящего, но и не использует после него знак для [ы] (η). Говоря о полумягком произношении *ш, ж* в сочетаниях *ши, жи*, Брандт «описывает явление, уже явно распространенное и имеющее традицию» [Панов 1990: 183—184]. Черта эта есть в произношении Л. Н. Толстого, ее отчетливо слышно в записях А. Ахматовой и К. И. Чуковского.

В речевом портрете Р. Ф. Брандта М. В. Панов приходит в недоумение перед прихотливой картиной твердости / мягкости шипящих в речи своего героя: «Ясно, что с мягкостью-твердостью шипящих у них [петербуржцев. — М. Б.] были сложные отношения» [Там же: 184].

7. А. Пальме, «Спутник по России. Sprachführer für Deutsche in Russland» (1895). Для современника Брандта Антона Пальме, составившего в середине 1890-х годов русский разговорник для немцев, положение вещей в петербургском произношении и есть норма. Пособие А. Пальме хорошо вписывается в традицию обсуждавшихся выше документов петербургской нормы. Здесь находим и сведения о твердом (или полумягком) произношении шипящих, в частности перед *ё*, и о полумягком их произношении перед *и*²⁷.

Само название разговорника — книжки карманного формата, изданной в 1895 г. в Берлине, — говорит о том, что перед нами «практическое руководство по русскому разговорному языку с подробными сведениями о произношении»: «Спутникъ по Россіи. Sprachführer für Deutsche in Russland. Praktisches Handbuch der russischen Umgangssprache mit eingehender Berücksichtigung der Aussprache von Anton Palme, früh(erem) Lehrer des Russischen am Seminar für orientalische Sprachen an der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin». В работе над своим пособием Пальме — бывший преподаватель русского языка на отделении восточных языков Берлинского университета — пользовался консультациями носителя языка, своего русского друга К. И. Ильина, которого автор благодарит в предисловии.

В своих транскрипциях Пальме стремится по возможности точно передать специфику русского произношения, в частности такую его трудную для немца черту, как мягкость согласных. Автор разговорника последовательно обозначает (как *i*-окраску) мягкость парных согласных и ассимилятивное смягчение согласных, например: *стички* — β^i pitschki, *чистить* — tsch η β^i titⁱ, *перчатка* — pⁱerⁱtschatka, *часть* — tsha β^i tⁱ, *свѣча* — β^i wietscha [Palme 1895: 5, 6, 8, 11, 15]. Тщательность автора в обозначении мягких оттеняет характеристику шипящих как немягких звуков. В отличие от парных мягких, шипящие в разговорнике не снабжаются знаком мягкости. В позиции перед ударным [o] (*ё*) это различие проявляется очень наглядно: *кошелёкъ* — kaschel^ok, *ковёръ* — kaw^or, *трѣхъ* — tr^och-, *днѣмь* — dn^om, но *цѣтка* — schtschotka, *мощѣная* — maschtschonaja, *учѣтъ* — utshot, *по счѣту* — pa schtschotu [Ibid.: 4, 15, 19, 21, 6, 10, 26, 14]²⁸. В фонетическом очерке, составляющем приложение к учебным диалогам, Пальме специально предостерегает против мягкого произношения шипящих перед «мягкими» *e* и *ё*:

²⁷ В позиции перед *и* шипящие *ш* и *ж*, как, в полном согласии с Брандтом, свидетельствует А. Пальме, произносились полумягко, а буква *и* произносилась как [и^m]: «Das *и* verliert nicht nur seine Weichheit, sondern wird auch dumpfer, dem *ы* (<...> sich nähernd, (ähnlich wie in Wind, Gewitter) ausgesprochen; wir bezeichnen diese Aussprache mit η , also жи = sh η (nicht shⁱ), ши = sch. (nicht schⁱ)» [Palme 1895: 173]. Иллюстрации: училище — utsch η lischtsche, стаканчикъ — β takantsch η k, для женщинъ — shentschtsch η n [Ibid.: 12, 17, 3 и т. п.].

²⁸ Ср. на конце слова: четверть — tshetw^{ert}ⁱ, но куличъ — kulⁱtsh, ночь — notsch, плащъ — plaschtsch [Ibid.: 20, 25, 21, 8].

Nach den Zischlauten und nach ц werden die weichen Vokale hart gesprochen, also же = she (nicht shie), ше = sche (nicht schie), чѣ = tscho (nicht zschio) [Ibid.: 172]²⁹.

Такое же предостережение стоит, по сути, и за практикой различения *ě* и «полу-*ě*» в учебных пособиях В. Рклицкого.

Пальме не характеризует произношение, которое он рекомендует, как «петербургское» или как присущее какому-либо иному региону России. Для Пальме это вообще русское произношение. Таким образом, петербургская норма воспринимается на рубеже XIX—XX вв. как престижная и способная представлять русское произношение в иностранной аудитории. Точно так же дело обстоит, очевидно, и в 1-й половине XIX в.: на примере произношения шипящих мы наблюдали, что именно петербургская традиция произношения, восходящая к нормам XVIII в., ложится в основу орфоэпических рекомендаций Таппе в 1810-е и Рклицкого — в 1830-е годы³⁰.

Столь устойчивая преемственность обеспечивалась, думается, несколькими факторами. Твердое (или полумягкое) произношение *ч* и *щ* обладало важнейшим достоинством: оно было присуще нескольким идиомам, участвующим в процессе нормообразования, и, следовательно, было нейтральным. В консолидации таких нейтральных элементов и состоял магистральный путь языковой кодификации в эпоху XVIII — 1-й половины XIX в. В Петербурге сложились благоприятные условия для превращения немягкого произношения шипящих в нейтральный, устраивающий всех признак: здесь такое произношение было свойственно не только книжно-литературному языку (в который оно вошло под влиянием церковнославянского произношения в его украинизированной версии, см. выше), но и разговорной речи (складывавшейся с участием севернорусских говоров, для которых характерно, в частности, твердое произношение [ч] и [щ] [шч] [ДАРЯ 1986; Дурново 2000: 80]). Престиж столичного города способствовал закреплению удачного согласия произносительных традиций Петербурга. Все это и обеспечивало, думается, исключительную устойчивость произношения *ч* и *щ* как, соответственно, [ч] и [шч] (или [ч·] и [ш·ч·]) в русской норме.

²⁹ Среди примеров на сочетание шипящего с *e* в разговорнике есть и слова *причащениe* и *Благовѣщеніe* (вспомним у Тредиаковского: «мы говоримъ *причащениЕ* (...) *благовѣщениЕ*»). Транскрипции Пальме таковы: *přitschaschtschen'je*, *blagowěschtschen'e*. Буква *щ* соответствует твердому [шч], ср.: «Щ ist nichts anderes als ein einfaches Zeichen für zwei Laute, nämlich шч» [Ibid.: 176].

³⁰ Очерченная традиция произношения не была ни единственной, ни единой. О вариативных возможностях твердого произношения шипящих можно судить, в частности, по возражениям Брандта Павскому, о которых шла речь выше: в определенных позициях (например, перед *e* или *и*) были возможны различные по степени мягкости реализации согласной фонемы.

II

Природу мены [о] / [е] под ударением в языке эпохи «Русской хрестоматии» М. В. Панов характеризует следующим образом:

Начало XIX в. широко использовало (...) «мутабильные» фонематические единицы. Мутабильная фонема имеет (в одной и той же позиции) два фонетических облика. Так, есть фонематическая мутабильная единица (о / э). В определенных условиях она может быть представлена либо звуком [о], либо звуком [э]. Эти условия: под ударением, после мягкого согласного. Сильный член этой единицы — [о]: если слово допускает форму [гн'от], то допускает и [гн'эт]. Возможна мена [о] на [э] — в описанных условиях. Чем можно руководствоваться в этом выборе? Выбор идет между торжественным, условным, отвлеченным, поэтическим, старинным, библейским, связанным с бытом XVIII в., трагическим, философским, героическим, иносказательным (с одной стороны) — и бытовым, обыденным, конкретным, прозаическим, домашним, будничным, непосредственно-чувственным, шутливым, добродушным, дружеским, бесчувственно-равнодушным, нейтральным (с другой стороны) [Панов 1990: 192—193].

Условия выбора отличали голубую систему от предшествующей синей: во 2-й половине XVIII в. условия диктовал жанр, в то время как в 1-й половине XIX в. оставался «простор для индивидуальной воли, для своей интерпретации стиля, для различий внутри жанра» [Там же: 198, 309—310].

Материал «Хрестоматии» Рклицкого в целом подтверждает выводы М. В. Панова. В прозе отвлеченного характера [е]-вариантами пользуются чаще, чем в описаниях; в восторженном описании водопада — чаще, чем в географическом очерке о Байкале; в высочайшем обращении к вдове Карамзина — чаще, чем в письме к приятелю; в проповедях Леванды [е]-вариантов больше, чем в Словах Филарета и т. п. Иными словами, тексты «Хрестоматии» убеждают в том, что выбор между вариантами определяется стилистическим регистром текста и авторским заданием, причем [е]-варианты являются яркой приметой высокого слога, в то время как их [о]-ответствия нейтральны в стилистическом отношении. Так, например, в Слове митрополита Платона (Левшина) на коронавание Александра I (2: 120—128) неизменно с ё употребляются такие высокочастотные слова, как *всё*, *твоё*, *своё*, причем написание *твоё* сохраняется несмотря на то, что относится в этом тексте к императору, по отношению к которому в том же тексте используется такая книжная (церковнославянская) форма, как *ты* (2: 124)³¹! Нейтральный характер носят в данном тексте и следующие гла-

³¹ В гомилетике «Русская хрестоматия» следует образцам 2-й половины XVIII — начала XIX века. В целом для текстов этого отдела «Хрестоматии», как и для данной проповеди Платона, верна характеристика, относящаяся к языку «Собрания разных поучений на все воскресные и праздничные дни» (1775), изданного

гольные [о]-формы: *принесём* ли что либо в дар господу (2: 121), *твою кровь течёт* по жилам его (2: 126), в то время как ударное *é* отмечено в церковнославянизмах *возслёмь* (2: 121), *воспоёмь* (2: 126), *вопиёмь* (2: 121), *вопиеть* (2: 122). Причастные формы Платон предпочитает использовать в [е]-варианте: *облечённая*, *обагрённую* (ср. *обагрённый* 2: 105), *ограждённая* (2: 123), *превознесённая* (В. ед. м. 2: 126; ср. *превознесётъ* 2: 120), *побеждёны* (2: 126).

Оставляя описание механизмов выбора за рамками данной работы, хотелось бы подробнее присмотреться к самому материалу, из которого делается выбор. Мена [о] / [е] затрагивает определенные группы слов, в которых возможны оба типа произношения. До сих пор материал о составе этой сферы «мутабильности» историки языка извлекали главным образом из наблюдений над рифмами, из отдельных примеров в грамматиках и метаязыковых высказываниях современников³². «Хрестоматия» позволяет проводить наблюдение на достаточно большом массиве прозаических текстов с различением *ě / é / é* и дает возможность увидеть, какие группы лексики в какой мере участвуют в выборе между [о]- и [е]-вариантами, какие лексемы обнаруживают «склонность» к одному из вариантов. С учетом всего материала, который можно извлечь из двух томов хрестоматии, картина соотношения [о]- и [е]-вариантов такова (комментарий к таблице помещен после нее):

Платоном (Левшиным) и Гавриилом (Петровым): «Это русский литературный язык середины XVIII в., в который вкраплены церковнославянские цитаты из Св. Писания» [Живов 1996: 399].

³² Основанный на названных источниках очерк употребления ⟨о/э⟩ в эпоху «Хрестоматии» см. [Панов 1990: 196—200]. Некоторые данные «Хрестоматии» заставляют сомневаться в надежности рифм как источника сведений о поведении «мутабильной» фонемы ⟨о/э⟩. До сих пор рифмы типа *живеть — пть* (у Батюшкова) расценивались как аргумент в пользу произношения [э]. В стихотворных фрагментах внутри прозаических текстов «Хрестоматии» можно видеть, что возможны такие рифмы, как *обвь — зоввь* (2: 112 — также у Батюшкова). Несколько примеров такого рода даст также небольшая хрестоматия в учебнике В. Рклицкого «Начальные основания русского языка». Здесь встретились рифмы *живёт — пть* (И. Крылов, «Подражание псалму XVII») и *зелёный — покровённый* (И. Дмитриев, «Ручеек»). Неясным остается, в какой мере такое произношение можно приписывать авторам стихов. Любопытен, однако, факт такого произношения в 1830-е годы. Не исключена возможность, что в русском поэтическом языке в эту эпоху *t'é* (графически *e/t*) может рифмоваться с *t'ó* (графически *e/ě* и др.). Иными словами, возможна рифма, подобная обычным для того времени рифмам немецкой поэзии типа *stehn — morgenshön — sehn* (И. В. Гёте, «Heidenröslein»), *gehn — schön* (Й. Эйхендорф, «Sängerfahrt»), *fröhlich — selig* («Neue Liebe») или *trübe — Liebe* (Гёте, «Willkommen und Abschied»), *lieber — über* («Der König von Thule»), когда рифмуются слоги с чистым и с умляутным гласным.

Таблица 1

Распределение лексики в отношении мены [о] / [е]

[о] (орфографически ё/ё)	[е] (орфографически е)
в окончаниях личных форм глагола в наст./буд. времени	
берёмся (1: 196, 204), берёт (1: 46, 161, 174), бьётся (2: 100), ведёт (1: 90, 208; 2: 25, 194), взойдёт (2: 46), влечёт (2: 42, 102), влечётся (2: 25), возмёт (1: 161; 2: 45), возрастет (2: 221), возьмём (2: 99), войдёте (1: 63), восстаёт (1: 32), выдаёт (2: 85), грядёт (2: 151 bis, 239), даём (2: 193), даёт (1: 73, 112, 161; 2: 20, 34, 37, 44, 186, 215, 230), дерзнём (2: 17, 188), дерзнёт (2: 136), ждёт (1: 174; 2: 120 bis, 196), живём (2: 21, 33, 198), живёт (1: 11, 43, 46, 69, 165, 187; 2: 75), жнёт (1: 68), займёмся (2: 138), зовёт (2: 112), идём (1: 12), идёт (1: 3, 52, 179; 2: 8, 14, 210), извлечём (1: 78), коснётся (2: 74), льёт (1: 176; 2: 90), (да) назовётся (2: 197), найдём (2: 3, 116, 238), найдёт (1: 180; 2: 20, 24, 89), найдёте (1: 108; 2: 39, 46, 130, 201, 250), найдётся (2: 52), начнём (2: 7, 89), недостаёт (1: 108; 2: 6, 98), обретёт (2: 46), остаётся (1: 12; 2: 13, 17, 23, 67, 83, 166, 227), отдаёт (2: 78), отнесём (2: 199), падёт (2: 36, 202), передаёт (2: 78), перейдёт (2: 107, 113), перенесёмся (2: 221), перестаем (2: 117), перестает (1: 100; 2: 65, 88), пльвёт (1: 176), подаёт (2: 28), подойдёт (1: 80), поёт (1: 121, 133), познаёт (2: 162), ползёт (1: 60), превзойдём (2: 148), перевознесём (2: 240), предаёт (1: 91), предаётся (1: 93; 2: 75, 160, 176), предостережём (2: 195), предстаёт (1: 93), не преминёт (2: 53), престаёт (1: 183), придаёт (2: 84), придёт (1: 96 bis), признаёмся (2: 22), признаёт (1: 155, 183, 184), принесём (2: 121), принесёт (2: 207, 219), продаёт (1: 13; 2: 85; 143), произведёт (2: 10), произойдёт (1: 179; 2: 72, 222), прядёт (2: 132), пьёт (2: 20), разведём (1: 101), сверкнёт (1: 175), смеётся (1: 133), соберёт (2: 228), создаёт (1: 177), сознаёт (2: 75), соплетёт (2: 160), спасёт (2: 20), течёт (1: 18, 54), течёт (2: 16, 126, 224), уведёт (1: 96), узнаём (2: 70), узнаёт (1: 72, 81; 2: 59), умрёшь (2: 147 bis), упадёт (2: 4, 15), упрекнёт (2: 174)	блюдём (2: 148), возслём (2: 121), вопиём (2: 125), воспоём (2: 126), грядёшь (2: 127), наречёт (2: 149), (да) начнёт (2: 128), печётся (1: 134)

в окончаниях существительных	
<u>И.-В. ед.</u> лицё (И. ед. 1: 54, 72, 74), лицё (2: 41, 75 bis, 78, 80 и т. д. passim; В. ед. 2: 17, 134, 161, 179, 180), копьё (2: 22, 33), ружьё (1: 46) <u>Тв. ед. м. ср.</u> алтарём (1: 4), вождём (1: 188; 2: 44, 49), днём (нареч. 1: 48), камышём (1: 39), ключём (2: 68), лицём (2: 11, 93, 96), мечём (2: 104, 174), образцём (2: 47, 115, 117, 237; ср. образцовым 2: 115), огнём (1: 2, 192; 2: 145), отцём (2: 4, 185), путём (1: 91, 130, 179, 194, 207; 2: 28, 32, 198) <u>Тв. ед. ж. м.</u> душёю (1: 53), душёю (2: 77, 81, 156 bis, 161, 236), зарёю (2: 34), землёю (1: 28, 158, 160; 2: 145), судьёю (2: 212) <u>Р. мн.</u> образцёв (2: 199), отцёв (1: 5, 43), отцёв (2: 44, 161; из Отцёв Церкви 2: 145), творцёв (2: 199)	<u>И.-В. ед.</u> бытиё (2: 4, 70 bis, 72), лицё (И. ед. 1: 114; В. ед. 1: 113, 122) <u>Тв. ед. м. ср.</u> Донцём (1: 176), лицём (1: 155; 2: 121, 171, 243), лучём (1: 134), мечём (1: 134, 141, 191, 192 bis), отцём (1: 138; 2: 136) <u>Тв. ед. ж. м.</u> душёю (1: 23, 119 bis), епанчёто (1: 80), пашёю (1: 4) <u>Р. мн.</u> концёв (1: 201), купцёв (1: 160), ловцёв (1: 59), мудрецёв (1: 139), отцёв (2: 119), писцёв (1: 147)
в окончаниях местоимений	
всё (тж. всё таки 1: 117), (во) всём, её (В. п.), моё, моём, неё, (в, на) нём (в Нём 1: 152 о Христе), (в) самоё себя (2: 90), своё (Своё 1: 141), своём (Своём 1: 153 о Христе), твоё (passim), чём (1: 82), чём (2: 139 bis; 141, 156, 158 и т. д. passim) ? все (1: 178) ? сем (1: 38) ? своёй (1: 80) — опечатка?	сиё, (о) сём (passim), своём (1: 106), твоём (1: 125; 2: 245), о Нём (1: 139, 140), чьё (2: 200)
в окончаниях числительных	
трёх (1: 60; 2: 19), четырёх (1: 190; 2: 175 bis) ? трех (1: 2, 9, 11, 13, 14, 22, 117, 146; 2: 245) ? трем (1: 190)	(по) трёх (днех) (2: 157)
в суффиксе <i>-енн-</i> полных страдательных причастий, прилагательных и производных	
введённ^{ый} (2: 38), вознесённ^{ых} (2: 174), восхищённ^{ая} (духом) (2: 185), доведённ^{ые} (2: 47), закалённ^{ая} (1: 24), заселённ^{ая} (1: 61), изображённ^{ого} (2: 174), изречённ^{ого} (2: 174), изумлённ^{ая} (2: 173, 177), казнённ^{ые} (1: 11), лишённ^{ого} (2: 19), лишённ^{ому} (2: 88), лишённ^{ые} (1: 32; 2: 145, 176), лишённ^{ый} (2: 19, 212), малонаселённ^{ую} (1: 162), наделённ^{ый} (2: 174), наделённ^{ых} (1: 88), наделённ^{ая} (2: 229), населённ^{ая} (1: 200), населённ^{ую} (1: 66), обогрённ^{ой} (ж. 2: 105), (не)обогрённ^{ый} (2: 182), обведённ^{ая} (1: 26), обнесённ^{ый} (1:	благорастворённ^{ым} (1: 36), возвыщённ^{ое} (1: 29), возвыщённ^{ым} (1: 58), возвыщённ^{ых} (1: 39), вонзённ^{ая} (1: 95), воплощённ^{ого} (1: 139), восхищённ^{ый} (1: 106), восхищённ^{ым} (2: 177), восхищённ^{ых} (2: 243), воцарённ^{ый} (1: 135), врождённ^{ому} (1: 202), врождённ^{ую} (1: 189), говорённ^{ой} (2: 92, 224 заголовок, 233 заголовок), забвённ^{ая} (2: 121), зажжённ^{ые} (1: 104), заключённ^{ого} (1: 170), запрещённ^{ого} (2: 130),

163), обновлённое (2: 179), обновлёнными (2: 249), обновлённых (2: 236), ободрённая (2: 148), ободрённый (2: 181), обречённая (2: 73), ограждённого (1: 32), ограждённых (2: 177), одарённые (2: 56), одарённый (2: 28, 48), одушевлённые (2: 220), одушевлённая (2: 193), оживлённая (2: 182), окраплённая (2: 33), окружённые (1: 32, 67), окружённый (2: 142), окружённая (2: 22, 32), определённого (2: 223), (в) определённой (2: 70), определёнными (2: 193), осаждённого (2: 185), освещённая (2: 183), освещённая (2: 102), освобождённым (1: 5), оскорблённая (2: 89), оскорблённое (2: 33), оскорблённые (1: 132), оскорблённый (2: 29), ослеплённый (2: 212), осуждённых (2: 148), отвлечённых (2: 44, 85), отдалённого (2: 202), отдалённому (1: 60), отдалённые (2: 35, 228, 238), (в) отдалённых (2: 82), отдалённая (1: 175; 2: 104, 179), отделённый (1: 186), отделённая (1: 185), отлучённый (1: 87), пленённого (1: 176), побеждённого (2: 176), побеждённых (1: 192; 2: 243), повреждённое (2: 49), повторёнными (1: 81), подарённые (1: 161), подарённый (1: 43), полученными (1: 76), помрачённая (2: 26), понесённая (1: 171), поражённый (2: 96, 176), посвящённых (2: 105), потрясённая (2: 183), превращённая (2: 77), пресыщённое (2: 21), приведённая (2: 66), принесённое (2: 170), принесённой (1: 135), принуждённого (2: 116), принуждённый (2: 132), приобретённая (2: 26), приспособённые (1: 67), приспособлённое (2: 129), присуждённая (2: 205), (не) приучённый (1: 83), проведённой (2: 24), проведённые (1: 153), проведёнными (2: 18), произнесённая (2: 137), просвещённого (2: 26, 70, 210, 235), просвещённая (2: 182, 216), просвещённое (2: 26, 223), просвещённом (2: 184), просвещённый (2: 27, 108, 212), просвещённым (Тв. ед. 2: 34, 37), просвещёнными (2: 37), просвещённых (2: 33, 77, 109, 114, 217, 220), просвещённая (И. мн. 2: 48), прощённая (2: 181), развлечённый (2: 45), разделённые (2: 152), раздроблённым (2: 183), раздроблённая (1: 183), разлучённые (1: 64), разрушённого (2: 24), расселённые (1: 163), расположенных (2: 176), рождённого (1: 55), рождённые (2: 201), рождённый (2: 30),	извлечённый (1: 32), изнурённого (2: 235), изображённые (1: 32, 77), изумлённого (1: 28), испещрённая (1: 114), лишённые (1: 82), лишённый (1: 83, 153, 184), лишённых (1: 190), напряжённейшее (1: 137), насаждённый (2: 182), насаждённым (1: 156), незабённого (2: 245), неизречённом (2: 155), ненарушённая (1: 126), неоценёнными (2: 185), неоценённую (2: 84), неоценённая (2: 42), непринуждённость (1: 169), непросвещённых (1: 198), новорождённых (2: 40), обагрённую (2: 123), облечённая (1: 189; 2: 123), облечённую (2: 157), обнажённым (2: 131), обновлённого (1: 138), обновлённую (1: 180), ободрённый (1: 153), обольщённый (2: 55), обращённых (1: 156), обыкнённая (1: 125), огорчённый (1: 129), огорчённым (1: 107), ограждённая (2: 125), ограждённая (2: 123), одушевлённой (1: 115), одушевлённый (1: 28), озарённой (1: 131), окрилённая (1: 52), окружённый (1: 189), окружённые (1: 89), окружёнными (1: 163), окружённых (1: 1, 161), олицетворённой (1: 117), определённое (1: 27), определённости (1: 146), освещённый (1: 173), освобождённые (1: 80), освящёнными (1: 153, 167), осуждённого (2: 131), отвлечённом (1: 202), отвлечённым (1: 82), отвлечёнными (2: 205), отдалённейшая (1: 166; 2: 85), отдалённое (1: 124), отдалённости (1: 20), отдалённые (1: 6), отдалённых (1: 31, 117, 122; 2: 219), очищённая (1: 208), повреждённого (2: 1, 12), подчинённость (1: 188), подчинённых (2: 100), позлащённого (1: 170), позлащённые (1: 175), позлащёнными (1: 173), полученных (1: 10), помещённая (1: 59), поражённые (1: 148), поражённый (1: 144), посвящённый (1: 151), превознесённая

рождённым (Д. мн. 2: 91, 219), рождённых (2: 24), соединённое (1: 87; 2: 97), соединёнными (2: 153), соединённых (2: 146, 184), соединённая (1: 6), сооружённых (2: 34), сооружённая (2: 45), сопряжённое (2: 208), сотворённая (2: 10), сочинённых (2: 196), спасённая (2: 173), стеснённую (1: 61), стеснённые (2: 176), тиснённая (1: 78), убеждённая (2: 25), увлечённый (2: 212), удалённый (2: 99, 200), удивлённые (1: 95), удивлённый (2: 103), уединённом (1: 133), уединённая (1: 162), укреплённая (2: 182), укреплённый (2: 181), унижённое (2: 33), употреблённое (2: 132), употреблённым (1: 57), ускорённое (2: 59), устремлённый (1: 27, 28), усыплённого (2: 209), усыплённый (2: 209), утверждённая (2: 203), утверждённого (2: 190), утверждённое (1: 3; 2: 221, 244), утверждённом (2: 204), утверждённую (2: 218), утверждёнными (1: 47), утомлённое (1: 94), утомлённые (1: 1), утомлённых (1: 14), учреждённых (1: 162) ? вооружённая (1: 53) ? обнажёнными (1: 62) ? (не)совершенно (2: 211) ? уединённый (1: 68)	(2: 120), превознесённая (2: 242), превращённый (1: 62), предопределённого (1: 137), прельщённые (2: 130), приближённых (2: 160), принесённое (1: 139), принуждённое (1: 192), пристыжённый (1: 125), причинённая (1: 152), произнесённая (2: 190, 203, 220, 228 — во всех четырех случаях заголовок), прокажённым (1: 64), просвещёнными (1: 179), просвещённое (1: 29, 128), просвещённому (1: 6), просвещённый (1: 89), разгромлённая (2: 238), раздроблённая (1: 185), разорённых (2: 182), расположенные (1: 146), расположенных (1: 169, 172), рождённого (1: 139; 2: 154 bis), рождённый (1: 139), освобождённых (2: 182), свящённого (2: 130), смущённый (1: 125), совершённого (2: 122), совершённо (2: 8, 23), совершённое (1: 137), совершённой (2: 130), совершённом (2: 72), совершённым (2: 146, 243), совершённых (1: 183; 2: 7), соединённая (2: 79), сокращённую (2: 56), сокровённую (2: 156), сокровённых (1: 125), сообщённая (1: 151), сооружённого (1: 2), сплетённое (1: 59), уединённая (1: 140), уединённой (1: 69), уединённому (1: 14), уединённых (1: 7), укреплённа (2: 125), унижённо (нареч. 1: 203; 2: 176), упоённый (2: 166), употреблённого (2: 122), устрашённая (1: 181), устрашённая (1: 185), усыплённая (1: 116), утверждённое (1: 149), утеснённых (1: 126), утончённое (2: 38), утончённую (1: 78), утруждённых (1: 152), уязвлённые (1: 175)
в суффиксе <i>-ен-</i> кратких страдательных причастий и прилагательных	
воодушевлён (2: 165), доведён (1: 166), за-ключён (2: 197), заточён (1: 64), калёными (1: 175), копчёной (1: 48), лишён (1: 85, 98), награждён (2: 79), научён (2: 35), облечён (2: 184), облечён (2: 111), обращён (1: 14), обре-	заточён (1: 135), обращён (2: 121), поражён (1: 147), сохранён (1: 140), увлечён (1: 154), учёном (1: 114), учёные (1: 128), учёным (1: 128), учёными (1: 128), учёных (1:

менён (1: 3), одарён (1: 179, 182), одолжён (2: 101), окружён (1: 9, 43), повреждён (2: 1, 2, 12, 13, 17, 19), подкреплён (1: 144), положён (2: 156), похищён (2: 218), преграждён (2: 176), предвозвещён (2: 57), предпочтён (2: 80, 86), расположен (1: 18), рождён (1: 165; 2: 199), смышлѣны (1: 47), сооружён (2: 246), сопряжён (1: 9), сотворён (2: 12), укреплён (1: 43), установлен (1: 180), утомлѣн (1: 83, 165), учёнаго (2: 105, 180, 193, 219, 233), учёнейших (2: 105, 210), учёное (1: 51; 2: 83), учёном (2: 45, 230), учёному (2: 85), учёности (2: 33, 204 bis, 205, 233, 237), учёностию (2: 97), учёность (2: 218, 233), учёные (2: 50, 105, 217), учёный (2: 85), учёным (2: 107), учёными (1: 50), учёных (1: 53; 2: 85)	122, 207)
в суффиксе <i>-ев-</i> прилагательных и фамилий	
Воробьёвых (1: 68), Муравьёв (1: 74, 85, 96, 185; 2: 65, 87, 217), Муравьёва (2: 96, 97, 105, 109, 110 bis, 214), Муравьёвой (1: 118), Соловьёв (2: 241)	Кремлёвскими (1: 163) Муравьёв (2: 96 заголовка), Муравьёва (2: 96 заголовка), Плетнёв (2: 81, 117)
в суффиксе <i>-еж-</i> существительных	
грабѣж (1: 42, 192)	
в глагольных корнях	
ввѣл (1: 47, 84, 116), вѣл (1: 169), водоём (1: 19), водоёма (1: 17), взошѣл (1: 171), взошѣл (2: 56), возвѣл (2: 210), вошѣл (1: 102), завѣл (1: 123), истѣрт (1: 31), наёмным (2: 28), налѣтное (1: 33), нашѣл (1: 70, 100), нашѣл (2: 169, 227), нерасчѣтливости (2: 78), нѣс (1: 176), объём (1: 79), объёме (1: 205), отчѣт (1: 110), отчѣт (2: 24, 80 bis, 204 bis, 207), перелѣтным (1: 178), перенѣс (1: 164, 185), перешѣл (1: 32), повѣл (1: 103), подъёмный (1: 17), полѣте (1: 181), полѣту (2: 164), почѣл (1: 84, 100), почѣл (2: 6, 144), почѣтной (2: 234), пошѣл (1: 76), превзошѣл (1: 76), превзошѣл (2: 225), привѣз (1: 199), привѣл (1: 14; 2: 55), привлѣк (1: 143), приѣмами (1: 47), приѣмах (1: 118, 122), приѣмов (1: 195), приѣснаго (2: 110), провѣл (1: 25, 29, 76, 109, 171; 2: 31), произвѣл (2: 56), произнѣс (1: 131, 171 bis; 2: 11, 165), произошѣл (2: 151, 174), пронѣс (2: 243), простѣрли (1: 134), развѣргывалась (1: 19), развѣргывались (1: 20), развѣргыванию (2: 44), раздѣрнулся (1: 26), расчѣт (2: 78),	взошѣл (1: 152), вошѣл (1: 114), дрѣма (2: 76), истѣкшей (2: 134), лёжа (1: 104), начѣрганнаго (2: 179), начѣрганным (2: 184), нашѣл (1: 194), нешѣтны (2: 84), нелицеприѣмнаго (2: 159), отчѣт (1: 92), плѣском (2: 200), подошѣл (1: 122), превзошѣл (1: 179), (не) превознѣсся (2: 189), предмѣт (2: 128), преѣмниками (2: 235), прилѣгший (2: 160—161), почѣсывал (1: 133), пришѣл (1: 152, 192), принѣсши (1: 145), произвѣдший (2: 235), произнѣс (1: 118), протѣкшаго (2: 109), протѣкшее (2: 19), растрѣпаннаго (1: 132), скоротѣчнаго (2: 164), стѣкшиеся (1: 148), счѣтом (1: 161), умѣрши (2: 156), чѣрпал (2: 201), шѣл (1: 190, 199)

разчётам (2: 14), расчётах (2: 22), свёрнутою (1: 43), свёртывал (1: 21), сошёл (2: 147), стёрла (2: 11), тёк (1: 158), увлёк (1: 22), шёл (1: 5)	
в корнях существительных и производных	
берёза (1: 34), берёз (1: 187), верёвке (1: 105, 109), вёрст (1: 14 tris, 17, 18, 20, 21, 38, 42, 61 tris, 167), вёслами (1: 175), времён (1: 37, 118, 195, rassim), жёнами (1: 168), знамёна (1: 174, 175), знамёнами (1: 170), имён (1: 197), котёл (1: 41), лёд (1: 104; 2: 139), лён (1: 47; 2: 132), мёд (1: 47; 2: 134), мёдом (1: 160, 188, 189), озёр (1: 34, 39, 95, 186 bis, 187, 205), озёра (1: 60, 188, 200; 2: 214), озёрами (1: 187, 205), орёл (2: 199), племён (1: 7; 2: 33, 68, 104, 184), пчёл (2: 134), пчёлы (1: 97), решёткою (1: 67), семён (Р. мн. 1: 10; 2: 13, 53), сёл (1: 62, 201), сёла (1: 192), сёлах (2: 82, 177, 184), слёз (1: 176), слёзы (1: 73, 109, 129, 132, 176, 188, rassim), современныя (2: 183), стёклах (1: 96), упрёками (1: 123), упрёки (2: 113), упрёков (2: 7 bis, 102), утёсам (1: 106), утёсов (1: 16, 30, 31), утёсу (1: 106), чернозём (1: 34, 39), чернозёма (2: 72), шатёр (1: 95), шёлк (1: 48), шёлка (2: 26), шёлковой (2: 132), шёлковые (1: 48) шёпотом (1: 66), щёлочью (1: 62) ? дерн (1: 71) ? жен (1: 193)	верёвку (1: 104), дерев (2: 87, 91), жёны (1: 132, 189), знамёна (1: 36), имён (1: 138), лжеимённый (2: 2), нашёптывать (1: 24), в одеже (поругания) (2: 134), письмён (2: 107), племён (1: 197 bis, 201, 203, 205), решётка (1: 169), утёсистых (1: 187), утёсистее (1: 104), чёлнах (1: 32), шёлковыя (1: 159 bis) ? Петр (Первый) (1: 165, 166, 171, 172, 179 bis, 180 bis, 181 tris, 182 bis)
в корнях прилагательных и производных	
весёлая (2: 99), весёлости (Д. ед. 1: 120), весёлостям (1: 84), весёлою (1: 134), весёлым (1: 62, 99), весёлыя (1: 175), далёк (2: 16), далёкую (1: 185), дешевы (1: 159 bis), жёлтою (1: 15), жёсткой (1: 64), зелёнаго (1: 177), зелёном (1: 170), зелёному (1: 131), зелёные (1: 60), зелёным (1: 97; 2: 75), зелёных (1: 31, 163, 170), зелёныя (1: 59), крутоберёгой (1: 163), лёгкаго (2: 28), лёгкая (1: 57; 2: 210), лёгки (2: 111 стихи), лёгкие (1: 21), лёгкий (1: 55, 57; 2: 194), лёгким (1: 54, 60), лёгкими (1: 111, 176; 2: 159), лёгких (1: 86, 189; 2: 117, 233), лёгкия (1: 122; 2: 99), лёгкое (1: 51, 58, 73), лёгкой (1: 56), лёгкой (И. ед. м. 2: 213), лёгкой (Р. ед. ж. 2: 213 bis), лёгком (2: 211, 212, 214), лёгкости (1: 167), лёгкостию (1: 25,	весёлость (1: 120), дешёво (1: 100), жёлтый (1: 168), жёлтое (1: 134), крёстный (1: 49), жёсткость (1: 57), лёгким (1: 97), мёртвым (1: 154), мёртвенное (2: 168), мёртвенному (2: 72), надёжный (1: 154), надёжных (2: 220, 234), ненадёжнее (1: 89), подземному (1: 19), твёрдостью (1: 85), тщётны (2: 147), тяжёлыя (1: 161), чёрнаго (1: 33, 178), чёрная (1: 134), чёрной (1: 172), чёрную (1: 159), чёрное (1: 129, 130, 168), чёрном (1: 132, 133 bis, 206)

55), лёгкость (1: 158, 189; 2: 233), лёгкую (1: 116), мёртв (2: 14), мёртваго (2: 5), мёртвенное (2: 73), мёртво (2: 49, 71), мёртвом (2: 193), мёртвый (2: 72), мёртвым (2: 156), мёртвых (2: 98, 133), мёртвья (1: 62; 2: 155, 156, 158), пёстрые (1: 48), пёстрым (2: 181), полумёртвья (2: 155), светло-зелёный (1: 32), солёная (1: 39), солёной (1: 48), твёрд (1: 180; 2: 52), твёрдая (2: 62), твёрдо (1: 207; 2: 33, 221), твёрдого (2: 46), твёрдое (1: 70, 183; 2: 236), твёрдой (1: 109, 122), твёрдости (1: 46, 181; 2: 29, 227), твёрдостию (2: 228), твёрдость (1: 181; 2: 24, 237, 243), твёрдостью (1: 182), твёрдою (2: 236, 239), твёрдую (2: 59—60), твёрды (2: 159), твёрдыми (2: 240), по тёмно-зелёной (1: 21), тёмная (1: 64), тёмном (1: 114, 178), тёмному (1: 104), тёмность (2: 44), на тёмно-хвойной (1: 20), тёмной (1: 5, 26), тёмною (1: 20, 163), тёмную (1: 47), тёмны (2: 151), тёмный (1: 66), тёмныя (1: 63; 2: 196), тёплага (1: 123), тёплогое (1: 35; 2: 71), тёплую (2: 241), тёплыми (1: 177; 2: 188, 246), тёплыми (1: 21), тяжёлым (1: 43), тяжёлых (2: 159), учебнаго (заведения) (2: 240), учебной (2: 212), учебными (1: 78), Чёрпаго (моря) (2: 183), чёрной (1: 42, 60), чёрной (2: 113), чёрный (1: 42), чёрным (2: 147), чёрными (1: 62), чёрными (2: 236), чёрныя (2: 48) ? темнодѣкий (1: 63) ? темнозелёная (1: 19)	
в корнях наречий	
вперёд (1: 30, 106, 109, 172; 2: 221, 232), ещё (1: 73), ещё (2: passim), наперёд (1: 49), неподальёку (1: 168)	ещё (1: 19, 20 bis, 30, 32, 66, 81, 87, 90 bis, 102 bis, 104, 105, 108, 128 bis, 152 bis, 153, 156, 159, 162, 164, 177, 186, 189, 196, 198, 202; 2: 132), поперег (1: 16, 68), ужё (passim)

Комментарий к таблице

В окончаниях личных форм глаголов наст. /буд. вр. явно преобладают формы с [о]. Мена отмечена всего у двух из 76 глаголов I спряжения, встретившихся в «Хрестоматии», причем основным вариантом является форма с [о]: против трех случаев *грядёт* один *грядеишь* и против двух случаев *начтём* — один *начтёт*. Только с [е] даны формы *блюдём* (2: 148), *возслём* (2: 121), *вопиём* (2: 125), *воспоём* (2: 126), *наречёт* (2: 149) и *печётся* (1: 134).

В падежных окончаниях существительных «мутабельность» проявляется у слов *душа, лицо, меч, отец*. Наиболее ясное количественное соотношение форм с [о] и с [е] можно наблюдать в случае слова *лицо*, прежде всего в наиболее употребительной форме И.-В. В качестве основной здесь с очевидностью выступает вариант с [о]: многочисленным примерам его использования противостоят только три случая *лицэ*. В косвенных падежах всех слов ряда количественным показателям вряд ли стоит придавать большее значение, так как колебания между вариантными формами здесь регулируются стилистическими задачами. Картина колебаний такова: на три случая *лицём* (3×) — *лицэ* (4×), *мечём* (2×) — *мечём* (5×), *отцём* (2×) — *отцём* (2×), *отцёв* (5×) — *отцёв* (1×), *душею* (7×) — *душею* (3×).

В окончаниях местоимений колебания между [о] и [е] возможны в формах местоимений *свой, твой* и в П. ед. (в) *нем*, причем *ё* не помеха и там, где названные формы относятся к высочайшей особе или богу и пишутся с прописной буквы. Исключительно с *ё* пишутся в «Хрестоматии» формы местоимений *всё*³³, *мой*, Тв. ед. *чём*, а также В. ед. *её/неё*.

В группе числительных колебания отмечены в окончаниях слова *три*: *трёх* — *трэх*. Если отсутствие над *e* какого-либо знака подразумевает знак ударения (что наиболее вероятно), то преобладающими в «Хрестоматии» следует признать формы с [е]: *трэх, трём*.

Область активной мены [о]/[е] составляли в эпоху создания «Русской хрестоматии» причастные формы. В полных страдательных причастиях с суффиксом *-енн-* (а также омонимичных с ними прилагательных и их производных) формы с [о] и [е] распределены примерно поровну. «Мутабельность» обнаруживают следующие причастия:

причастие в нач. ф.	[о]	[е]	причастие в нач. ф.	[о]	[е]
изображенный	1×	2×	посвященный	1×	1×
изумленный	2×	1×	превращенный	1×	1×
лишенный	7×	5×	принесенный	2×	1×
обогранный	2×	1×	принужденный	2×	1×
обновленный	3×	2×	произнесенный	1×	4×
ободренный	2×	1×	просвещенный	22×	5×
огражденный	2×	2×	раздробленный	2×	1×
одушевленный	2×	2×	расположенный	1×	3×
окруженный	5×	5×	рожденный	6×	4×
определенный	3×	2×	соединенный	6×	1×
освещенный	2×	1×	сооруженный	2×	1×
освобожденный	1×	1×	уединенный	2×	4(5)×

³³ В начале XIX в., в период полемики «шишковистов» и «карамзинистов», *всё* (с *ё*) было одним из знаковых слов. В «Происшествии в царстве теней» С. Боброва *всё* является приметой речи Галлорусса, который в одной из реплик говорит: «Какъ это всё пахнет стариной? (...) Знаешь ли, что нынѣ у насъ всё перемѣнившись?» [Лотман, Успенский 1994: 469 (текст), 497 (комментарий)].

причастие в нач. ф.	[о]	[е]		причастие в нач. ф.	[о]	[е]
осужденный	1×	1×		уединенный	2×	4(5)×
отвлеченный	2×	3×		укрепленный	2×	1×
отдаленный	9×	9×		употребленный	2×	1×
поврежденный	1×	2×		усыпленный	2×	1×
полученный	1×	1×		утвержденный	8×	1×

Приведенные количественные соотношения ценны не столько сами по себе, сколько тем, что позволяют наблюдать общую тенденцию «мутабильности», которая состоит в том, что формы с [о] преобладают или находятся в равновесии с [е]. Лишь у 7 из 34 причастий списка отмечен количественный перевес форм с [е]. Для причастий *изображенный, отвлеченный, поврежденный, уединенный* он незначителен, и если вообще не случаен, то должен быть отнесен на счет стилистических вкусов авторов. Для оставшихся причастий можно предложить более очевидные объяснения. Все четыре формы *произнесенный* приходятся на заголовки и, следовательно, объясняются особыми условиями рамки текста. Что касается причастия *расположенный*, то форма с [е] (с передвижкой ударения: *располо́женный*) стала со временем основной. «Хрестоматия» отражает движение в этом направлении.

Вне области «мутабильности» лежит приблизительно равное число причастий, используемых в «Хрестоматии» только с [о] или только с [е]. В группе с [о] отмечу формы, произношение которых отличается от современного: *повторённый, подарённый, получённый, пресыщённый, приспособлённый, приучённый, раздроблённый, разрушённый, расположенный, унижённный* (хотя *унижённо*), *ускорённый*. В современном литературном языке во всех этих формах, образованных от глаголов на *-ить* (4-й тип спряжения, по «Грамматическому словарю» А. А. Зализняка), ударение смещено на один слог влево, то есть причастия образуются не по модели 4б, как прежде, а по модели 4а (*приспособлённый* как *ограблённый*) или 4с (*получённый* как *отто́ченный*). От *подарить* можно и сейчас образовать страдательное причастие по двум различным моделям в зависимости от значения: 'преподнести в дар' *подарённый* 4с или 'наградить (улыбкой и т. п.)' *подарённый* 4б [Зализняк 2003: 615]³⁴. Аналогичное изменение претерпели несколько причастий из группы [е] нашего списка, а именно: *возвыщённый* (совр. *возвышенный*), *очищённый* (совр. *очищенный*), *получённый* (совр. *полученный*). В [е]-огласовке используются прилагательные *благословённый, вдохновённый, (не)завбённый, обыкновённый, свящённый, совершённый, сокровённый*.

В суффиксе *-ен-* кратких страдательных причастий и прилагательных, как правило, произносится [о]. Мена отмечена только для двух причас-

³⁴ О различении в XIX в. омонимичных причастий и прилагательных с помощью ударения см. [Виноградов 1986: 236].

тий — *обращен* и *заточен* (по одному употреблению на каждую возможность) и для прилагательного *ученый*, которое предпочтительно используется с [о].

В суффиксе *-ев-* в антропонимах «мутабельной» оказалась фамилия *Муравьев*: на фоне преобладающего написания с буквой *ѣ* в заголовках по одному разу встретились написания с *ѣ*. Только с *ѣ* употребляются в «Хрестоматии» фамилия *Плетнев* и прилагательное *Кремлевский*, встретившееся один раз.

В глагольных корнях в целом преобладает произношение с [о]. Возможность мены [о]/[е] открыта для корней *-вед-*, *-нес-*, *-чет-*, *-шел-*. Исключительно с [е] встретились корни *-дрем-* (*дрѣма*), *-ем-* (*нелицеприѣмнаго*, *прѣмниками*), *-леж-* (*лѣжа*, *прилѣгший*), *-мет-* (*предмѣт*), *-плеск-* (*плѣском*), *-тек-* (*стѣкшися*, *истѣкшей*, *протѣкшее* и др.), *-мер-* (*умѣрши*), *-треп-* (*растрѣпанною*), *-черп-* (*чѣрпал*), *-черт-* (*начѣртаннаго*), *-чес-* (*почѣсывал*).

В корнях существительных мена проявилась у слов *веревка*, *жена* (предпочтение оказывается формам этого слова с [е]), *решетка*, *утес*, *шелк-*, *шепот-*, а также у некоторых существительных на *-мя*, в частности *знамя*, *имя* и *племя*. Вариантные формы с [о] и с [е] в целом находятся в равновесии. *Время* отмечено только с [о] (*врѣмѣн*, ср. также *совремѣнный*), а форма мн. ч. *писмена* — напротив, только с [е] (*письмѣн*). Р. мн. от *семья* имеет вид *семѣн*. В имени *Петр*, которое относится к Петру I, отсутствие знака над *e* следует, по всей вероятности, понимать как *Пѣтр*³⁵.

Зону вариативности образуют прилагательные *веселый*, *дешевый*, *желтый*, *жесткий*, *легкий*, *мертвый*, *твердый*, *тяжелый* и *черный*. Варианты с [о] преобладают. Только с [е] отмечены формы прилагательных *крѣстный*, *надѣжный*, *подзѣмный*, *тицѣтый*. В то же время только произношение с [о] знают в «Хрестоматии» такие употребительные прилагательные, как *далѣкий*, *зелѣный*, *пѣстрый*, *солѣный*, *тѣмный*, *тѣплый*, а также редкое *крутоберѣгой*. Отмечу *учѣбный*, отличающееся в своем произношении от современного (и исторически оправданного) *учѣбный*.

Последнюю небольшую группу варьирующих в произношении слов образуют наречия с меной [о]/[е] в корне. Основной представитель этой группы — наречие *еще*. Хотя написаний с *ѣ* относительно много (возможно, по ассоциации с *уже*), преобладают написания с *ѣ/ѣ*. Исключительно с *ѣ* встретились наречия *вперѣд*, *наперѣд*, *неподалѣку* (ср. выше о *далѣкий*). Напротив, *поперѣг* здесь пишется с *e* (ср. совр. *поперѣк*).

Состояние «мутабельности» как своего рода двуязычия неустойчиво. Эпоха жесткого распределения [о]- и [е]-вариантов по жанрам была поза-

³⁵ Ср. замечание А. А. Барсова в отношении этого имени: «Собственное имя *Петръ*, хотя впрочем и перемѣняет *ѣ* на *ю*; но когда принадлежит высокимъ особамъ, то *ѣ* удерживаетъ въ произношеніи, на пр. *Пѣтръ великій* *Пѣтръ второй*, *Пѣтръ Апостоль*, а не *Піотръ*» [Барсов 1981: 57].

ди, эпоха лексической закреплённости их ещё не наступила. В «Русской хрестоматии» мы застаём затронутую меной [o]/[e] лексику на пути к этой новой системе.

Литература

Барсов 1981 — Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подготовка текста и текстолог. коммент. М. П. Тоболовой; Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.

Бобрик 1993 — М. А. Бобрик. От рационализма к эпохе чувствительности: Статья А. А. Ржевского «О Московском наречии» и языковые взгляды XVIII века // *Russian Linguistics*. Vol. 17. 1993. С. 37—55.

Брандт 2005 — Р. Ф. Брандт. Лекции по истории русского языка. М., 2005.

Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М., 1986.

Горизонтов 1999 — Л. Е. Горизонтов. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

Григорьева 2004 — Т. М. Григорьева. Три века русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 2004.

ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части СССР): Карты. Вып. 1. Фонетика. М., 1986. Карты 48, 49, 51.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура России XVIII века. М., 1996.

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Комиссарова 2006 — Е. В. Комиссарова. Проблемы алфавитной нормы в славянском книгоиздании XIX—XX веков (по материалам Библиотеки РАН) // *Славяноведение*. 2006. № 1. С. 72—85.

Ломоносов 1982 — Российская грамматика М. Ломоносова. Факс. изд. [М.,] 1982.

Лотман, Успенский 1994 — [Ю. М. Лотман,] Б. А. Успенский. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994.

Панов 1990 — М. В. Панов. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

РБС 1962 — Русский биографический словарь. Т. 16. Repr. ed. N. Y., 1962.

Рклицкий 1864 — Начальный основанія русскаго языка для начинающихъ учиться по-русски, или Легчайшій способъ научиться читать и писать по русски, и переводить съ русскаго языка на польскій, составленный Магистромъ Василіемъ Рклицкимъ. 5-е изд. Варшава, 1864.

Рус. писатели 1989 — Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. Т. 1. М., 1989.

Соболевский 2004 — А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1 / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М., 2004.

Томашевский 1959 — Б. В. Томашевский. К истории русской рифмы // Стих и язык: Филол. очерки. М.; Л., 1959. С. 69—131.

Третьяковский 1849 — Сочинения Третьяковского. В 3 т. Т. 3. СПб., 1849.

Успенский 1985 — Б. А. Успенский. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

Успенский 1997 — Б. А. Успенский. Первая грамматика русского языка на родном языке // Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 573—600.

Успенский 2004 — Б. А. Успенский. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 123—173.

Хрестоматия 1837 — Русская хрестоматия, или Избранныя мѣста изъ лучшихъ Русскихъ Писателей. Т. I. Варшава, 1837. Б. п.

Compendium 1731 — Compendium Grammaticae Russicae (1731): Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München, 2002. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. NF. Heft 121).

Palme 1895 — Спутникъ по Россіи = Sprachführer für Deutsche in Russland. Praktisches Handbuch der russischen Umgangssprache mit eingehender Berücksichtigung der Aussprache von Anton Palme, früh(erem) Lehrer des Russischen am Seminar für orientalische Sprachen an der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Berlin, 1895.

Tappe 1812 — Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Übersetzen aus dem Deutschen in das Russische, und aus dem Russischen in das Deutsche, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Rußlands bis auf die neuesten Zeiten, von Dr. August Wilhelm Tappe. 2. verbesserte und vermehrte Aufl. St. Petersburg; Riga, 1812.

Т. В. ПОПОВА

«ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ»: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ НАД ТЕМОЙ

В настоящее время опубликовано четыре выпуска коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы» (1995; 1998; 2000; 2006). В этом труде впервые в славистике осуществляется лингвогеографическое изучение диалектных явлений разных уровней на материале трех восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского), которые рассматриваются как единый и неделимый объект лингвогеографического исследования.

Идея необходимости целостного лингвогеографического изучения диалектов восточнославянских языков была высказана Р. И. Аванесовым еще в 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве [Аванесов, Бернштейн 1958: 3]. Несколькими годами позднее он вновь не раз обращался к мысли о важности и принципиальном преимуществе изучения диалектных явлений на материале всех родственных языков одной группы (а не каждого языка в отдельности). На заседании Научного совета по диалектологии и истории языка в 1964 г. Р. И. Аванесов, обосновывая эту идею, отмечал, что «многие проблемы не могут быть разрешены на материале одного языка, в изоляции от данных других близкородственных языков. Понятие отдельных языков (например, русского, украинского и белорусского) относится прежде всего к сфере социально-исторической, культурной, а не структурно-языковой. Ареалы самых различных языковых явлений нередко охватывают соседние территории близкородственных языков»; по его мнению, «в качестве обобщающей работы диалектологов-специалистов по восточнославянским языкам» целесообразно «организовать на базе материалов русского, украинского и белорусского атласов составление сводного атласа восточнославянских языков» [Аванесов 1964: 558, 560]. Однако при жизни Р. И. Аванесова этот его план не был осуществлен.

Впоследствии для реализации идеи создания лингвистического атласа (именно *атласа*) восточнославянских языков очень много сделала С. В. Бромлей, которая сумела превратить идею о важности комплексного лингвогеографического исследования восточнославянского диалектного пространства в реальную тему и привлечь для работы над ней большой коллектив русских, украинских и белорусских диалектологов.